

Задача выжить. Полигон

Автор:

Михаил Атаманов

Задача выжить. Полигон

Михаил Александрович Атаманов

Боевая фантастика (АСТ) Задача выжить #2

Группе выживших удалось вырваться из охваченных хаосом городов. Вот только что ждёт Виктора и доверившихся ему людей в мире, в котором не осталось закона? Где правым всегда считается тот, кто сильнее и лучше вооружён. Где налёты инопланетных космических истребителей на последние очаги человеческой цивилизации стали обыденностью, а еду приходится добывать с риском для жизни. В разрушенном войной мире, где правит лишь грубая сила, право на жизнь и свободу нужно убедительно доказывать. И если под рукой лишь интернатские подростки, значит именно им и предстоит стать той силой, перед которой склонятся агрессивные соседи.

Но междоусобные конфликты людей меркнут на фоне того, что инопланетные захватчики, добившиеся уничтожения всех очагов организованного сопротивления, начинают второй этап вторжения.

Михаил Атаманов

Задача выжить: Полигон

Полигон. Сто дней спустя

– Как долго ты ещё собираешься отсиживать себе задницу тут под землёй? Три месяца уже находимся внутри колючего забора, словно заключенные, а что толку?

Не слезая с гимнастических брусьев, я скрипнул зубами и тихо выругался про себя. Одноногий капитан выводил меня подобным ежедневным нытьём. Стоило Колованову более-менее восстановиться после ампутации ноги, как он стал демонстрировать неуёмную и не всегда уместную жажду деятельности, приставая ко всем вокруг. Сперва он требовал у девушек санитарного блока, чтобы ему немедленно раздобыли инвалидную коляску. Довёл Кристину и Татьяну настолько, что пришлось мне и в самом деле искать коляску в разрушенных окрестных поселковых больницах. Ради этой чёртовой коляски мы с Константином Ивановичем и группой Кристины ездили в Кимры, откуда потом едва сумели вырваться – пришлось в буквальном смысле с боем прорываться через баррикаду, которую воздвигли местные бандиты, пытавшиеся поймать неосторожно заехавший на их территорию грузовой «Урал».

Но добытая с таким трудом коляска не удовлетворила капитана – на ней оказалось неудобно передвигаться по лестницам и спускаться на нижние подземные этажи командного бункера. Колованов потребовал нож, инструменты, кусок плотной кожи и твёрдую деревяшку. Два дня капитан собственноручно мастерил себе протез, после чего на первых испытаниях очень неудачно упал на спину, разбив в кровь затылок и порвав только-только зажившие швы на ноге. Колованов вынужден был признать, что пока не готов обходиться без костылей и коляски – едва зарубцевавшаяся рана не позволяла носить протез. После истории с деревянной ногой настроение капитана, и без того прескверное, стало совсем невыносимым. Он ругался и спорил со всеми – с девушками-медсёстрами, с мужиками из группы Константина Ивановича, с дежурными поварами и уборщиками. Но больше всего доставалось мне.

– Ты ещё на прошлой неделе пообещал мне поговорить с бойцами из посёлка Кимры насчёт объединения, – продолжал зудеть Колованов. – Так сделай хотя бы это! Так, не халтурь, ниже опускай тело! Перекладины должны быть на уровне подмышек. Что, уже устал? Да какой же ты командир, если не можешь себя пересилить?!

Но я уже действительно выдохся и спрыгнул с брусьев. Подошёл к ведру с холодной водой и принялся губкой обтирать потное тело. Сидевшая в углу на

кресле и наблюдавшая за тренировкой Лиза подошла ко мне, взяла кувшин с водой и принялась поливать мне на спину.

– Виктор, на два отжимания больше, чем вчера. Не слушай его брюзжания, всё нормально.

– Сидим тут, время теряем в захолустье... – подъехал ближе и продолжил капать на мозги Колованов.

– Сильвер, не бурчи... – попыталась успокоить его Лиза.

– Сколько раз повторять тебе, девчонка, что я не Сильвер, а капитан российской армии Пётр Колованов! – вспылil инвалид, выбив кувшин из рук девушки и расплескав воду.

Лиза ничего не сказала и вернулась на стул в угол комнаты. Я вытерся насухо полотенцем и стал одеваться. Военный, всё ещё красный от злости, зыркал единственным глазом. В который уже раз я попытался урезонить упёртого вояку:

– Капитан, ты живёшь мечтами о прошлом. Три с половиной месяца прошло с момента вторжения, давно уже нет ни единой страны, ни единой армии. Осталась лишь россыпь мелких удельных княжеств-городов со своими собственными отрядами обороны и куча бандитов-беспредельщиков вокруг них. Ты не покидаешь пределы Полигона и не видишь, что мир вокруг изменился, и каждый в нём пытается выжить, уничтожая более слабого. Мы по меркам нового мира достаточно богаты, но при этом слабы. А потому сидим тихо и наблюдаем за нашими соседями. У нас есть все основания не доверять им – многие из соседей при первой же возможности забывают про все договоренности и бьют союзникам в спину. Но насчёт «кимринских» ты не прав – мы уже передали им послание с предложением дружбы и объединения. Сегодня-завтра от них должен поступить ответ.

Офицер тяжело вздохнул, явно не до конца удовлетворённый моим ответом. А тут ещё Лиза Святова не вовремя встряла со своим комментарием:

– Хватит уже сердиться насчёт прозвища «Сильвер». Не я его придумала, а кто-то из моих девчонок. Согласись, как ещё назвать одноногого капитана в морской

тельняшке и с чёрной повязкой на глазу? Тебе только попугая на плечо не хватает для полного соответствия.

Колованов ругнулся и покатил к выходу из спортзала. Я посмотрел на свою подругу и укоризненно покачал головой. Про себя же подумал, что общаться с капитаном с каждым днём становится всё труднее и труднее – тот ни в грош не ставит мой авторитет и даже в присутствии остальных обитателей Полигона позволяет себе оспаривать приказы и критиковать командира. То ли ещё будет...

Однако выяснять отношения с одноногим военным сейчас было совершенно несвоевременным. Несмотря на скверный характер, Колованов блестяще справлялся со своими обязанностями. Ещё месяца три назад я, лишь бы хоть чем-то занять неугомонного вояку, предложил ему должность инструктора по физической и стрелковой подготовке, и на какое-то время это действительно заняло Колованова. За неимением других бойцов капитан тренировал девушек из группы Лизы, а также Константина Ивановича с его людьми. Сильвер ежедневно в любую погоду до седьмого пота гонял всех обитателей Полигона по полосе препятствий и заставлял бегать, приседать и ползать просто до изнеможения. С таким же рвением капитан подошёл и к стрелковой подготовке – на территории Полигона уже не осталось практически никого, кто не умел стрелять из автоматов АК-74 и АКСУ-74, благо патронов было как грязи: десятки, если не сотни цинковых коробок хранилось на складах.

На первых порах все просто стонали и падали без сил от ежедневных восьмичасовых тренировок, даже пытались роптать и жаловаться мне. Но в этом вопросе я полностью поддержал одноногого капитана и сам наравне со всеми бегал кроссы, подтягивался на перекладине и посещал стрельбище. Постепенно все смирились и даже привыкли. Я же не мог нарадоваться на результаты – бывшие монашки и деревенские жители показывали впечатляющие успехи в военной подготовке. Кроме того, из-за этих ежедневных занятий у подчиненных почти не оставалось свободного времени на то, чтобы скучать или делать глупости в изолированном от внешнего мира Полигоне.

Однако, даже видя успехи девушек и радуясь за них, я всё же не обольщался по поводу реального уровня подготовки интернатских девчонок. Подруги Лизы стали главной силой Полигона, но было совершенно очевидно, что за три месяца невозможно превратить группу бывших школьниц во что-то действительно серьёзное. Вот и инструктор крайне низко оценивал боеготовность своих подчиненных, утверждая, что до ранения в одиночку смог бы справиться со

всеми девушками, вместе взятыми.

Сам я тренировался с остервенением, посвящая тренировкам в спортзале или на стрельбище каждую минуту, которая оставалась после решения вопросов обеспечения Полигона. Даже колкий на язык и вечно недовольный Колованов уже с месяц не называл меня сосунком и щенком, сравнивая скорее с молодым волчонком, который по глупости осмеливается тявкать на более старших и сильных волков.

В каком-то более широком смысле Колованов, сам того не подозревая, оказывался прав. Более старшими волками были соседи – группировки из Кимр и Талдома. Именно урегулирование вопроса взаимоотношений с соседями сейчас стало главной моей задачей. Охранявшие внешнюю ограду Полигона девушки за последний месяц трижды замечали разведчиков с запада, со стороны посёлка Кимры. Оставалось пока загадкой, что уже известно «кимринским» про Полигон, трудно было не заметить, что соседи с каждым днём всё больше и больше интересуются закрытой территорией. Мы тоже старались не отставать и регулярно посылали наиболее опытных разведчиц на запад к Кимрам и на восток к Талдому, так что ситуацию в общих чертах представляли.

Группировка в Кимрах насчитывала около сотни бойцов и сотни две гражданских, некоторых из них явно удерживали силой. По большей части «кимринские» выглядели достаточно разношёрстно и нелепо, словно какие-то полубандитские наспех экипированные формирования. Но имелась там и своя «гвардия» – человек восемь с хорошим вооружением, в армейской форме с касками и бронежилетами. С этими соседями приходилось считаться – численность всех обитателей Полигона не превышала шестидесяти человек, из которых минимум десять вообще не были бойцами – дети, беременная Варвара Воронова и трое девушек Лизы Святовой, которые напрочь отказались брать в руки оружие – врач Татьяна Хмельницкая, медсестра Настя Молчанова и повариха Люда Успенская.

Три дня назад с помощью Ромки я подкинул послание «кимринским» – пацан ночью исхитрился незаметно пробраться в посёлок и прилепить бумагу на лобовое стекло машины одного из «офицеров». Ничего обидного в письме не было, лишь предложение мирного соседства и проведения переговоров. С безопасного расстояния через бинокль я наблюдал потом, как чужой офицер долго вчитывался в строчки и, внезапно расвирепев, тут же на месте пристрелил своего часового. Такая реакция на письмо настораживала и уж точно

не предвещала лёгких переговоров.

Насчёт Талдома всё выглядело запутаннее – весь город по периметру был обнесён трёхметровым забором из колючей проволоки, через каждые двести метров забора стояли вышки с часовыми. Для входов и выходов в закрытый город использовались трое ворот, каждые из которых хорошо охранялись. Разведчицам Полигона несколько раз удалось заметить, как ворота открывались, и небольшие отряды бойцов в камуфляже уходили куда-то на восток. Задача подобраться ближе, и уж тем более пробраться внутрь, выглядела невозможной, наблюдения же издали приносили крайне мало информации. Можно было лишь понять, что «талдомские» хорошо вооружены – все солдаты носили стандартную армейскую форму и бронежилеты, все часовые имели бинокли, а некоторые ещё и приборы ночного видения. Бронетехнику в Талдоме разведчицы не видели, но это ничего не значило – соседи могли хранить технику где-нибудь в центре города. В целом талдомские жили закрыто, и никаких неприятностей Полигону от них не ожидалось, но этот город перекрывал единственную дорогу на восток. объехать Талдом не представлялось возможным, так что в будущем предстояло как-либо договариваться с соседями о проходе через их город.

С этими мыслями я поднялся по металлической лестнице и вышел на поверхность.

* * *

Стояла середина октября. Солнце светило пока ещё ярко, погода была полетнему теплой. Но жёлтые поредевшие листья на клёнах и тёмно-оранжевые дубы свидетельствовали о том, что приближаются холода. Зимы я не боялся – запасов продовольствия мы собрали достаточно, хватало и топлива для обеспечивающих Полигон электричеством дизель-генераторов, внутри же подземных коридоров бункера круглый год стояла одна и та же температура.

Мимо меня, поздоровавшись, прошли девушки из группы Бестии – по расписанию им сегодня выпадало дежурство за периметром. Судя по пустым мешкам в руках, девчонки собирались после дежурства набрать яблок с опустевших дач возле Полигона. Мне вспомнилось, как пару дней назад девчонки тоже приволокли два мешка яблок, из которых повара потом приготовили компоты и варенье. Просто идиллия. На удивление мирная жизнь. После того кровавого

хаоса, который творился всего несколько месяцев назад, бездействие инопланетян выглядело более чем странным.

Треугольные тёмные корабли стали большой редкостью. Они появлялись над Полигоном в среднем лишь раз в три дня и, не задерживаясь, продолжали свой путь. Опасности летающие охотники не представляли – ещё в самый первый вечер приезда на Полигон я распорядился организовать круглосуточное дежурство в диспетчерской на вышке у взлётно-посадочной полосы. С тех пор дозорным всегда удавалось заранее обнаруживать опасность и заблаговременно оповещать остальных, поэтому связанных с летающими охотниками трагических происшествий на Полигоне ни разу не случилось.

В инопланетном вторжении явно наметилось какое-то подозрительное затишье – то ли треугольные корабли оказались массово задействованы в других регионах Земли, то ли летающие охотники уже выполнили свою задачу на первом этапе вторжения и теперь должны были уступить место чему-то новому. Например, тем же летающим «сосискам», которых за последний месяц мы видели уже шесть раз. Предназначение этих вытянутых баллонов так и оставалось пока загадкой – летали эти огромные неповоротливые корабли медленно и на очень большой высоте, разглядеть их даже в бинокль удавалось с трудом. Оружия в явном виде, как на летающих охотниках, на этих «сосисках» мы не заметили. То ли это перемещались грузовики, то ли воздушные разведчики. Не исключено даже, что это были десантные корабли инопланетян.

С этими мыслями я подошёл к диспетчерской вышке и взбежал по лестнице наверх. Тут сегодня дежурили Ромка вместе с Егоркой Крутовым, с помощью большой подзорной трубы обзоревавшие горизонт. Рядом трудились двое братьев – Аваз и Зариф Юлдашевы, уже третью неделю пытающиеся восстановить работу локатора на аэродроме. Двух гастарбайтеров из Таджикистана полтора месяца назад обнаружили девушки Кристины при прочёсывании дачных домиков.

Как рассказали сами парни, когда началось вторжение, они вместе с большой группой таджикских строителей строили трёхэтажный особняк в посёлке Квашенки севернее Талдома. Среди самих строителей никто не погиб в первые дни войны, хотя в остальной деревне оказалось много жертв. Хозяин строящегося дома, проживавший в Москве, так и не объявился. Деревня быстро опустела – большинство местных жителей подались к родственникам, другие ушли искать счастья в более крупные города и посёлки.

Оставшиеся в брошенной деревне строители попытались договориться между собой, что же им делать дальше? Единого мнения не было. Часть бывших гастарбайтеров предлагала осесть в деревне и кормиться с огородов. Другие были настроены более воинственно. Группа под предводительством бывшего бригадира гастарбайтеров Мавсура, вооружившись ножами, заточками и дубинками, отправилась в соседнюю деревню «за припасами». Вернулись они с богатой добычей, даже нескольких девушек прихватили с собой. Вот только к вечеру со стороны ограбленного села приехали «мстители» – два микроавтобуса, битком набитых вооружёнными людьми.

Аваз в момент нападения находился на улице и вовремя заметил опасность. Он успел предупредить Зарифа, и братья наутёк кинулись бежать в лес. Судя по интенсивной пальбе позади, в Квашенки возвращаться больше не стоило. Братья несколько дней прятались в лесу, питаясь лишь ягодами и сыроежками. А потом случайно вышли к забору из колючей проволоки, пройдя вдоль которого, набрали на пустующий дачный посёлок. Они около месяца тихо жили там, питаясь картошкой, луком и морковью с огородов, а также ставя в ближайшем лесу силки на зайцев.

Зариф при первом знакомстве представил себя как опытного электрика и механика, что сумел блестяще подтвердить, восстановив электрическое освещение нижних этажей командного бункера и наладив работу резервного дизель-генератора. Его брат Аваз по профессии был штукатуром и плиточником, но поскольку работы по специальности пока не имелось, сейчас помогал брату.

– Командир, появилось сегодня напряжение на поворотном механизме локатора, – похвастался успехами Зариф. – Половина дела, считай, сделано. Хотя одному Аллаху ведомо, почему сигнал с антенны не идёт. Я проверил все контакты, перепаял схему, но пока что-то не выходит. Зато удалось включить подсветку посадочной полосы. Не знаю, правда, зачем это нужно сейчас, когда на свет тут же появятся летающие шайтаны.

– Покажи! – заинтересовался я. – Ромка, объяви заранее воздушную тревогу, пусть все наши укроются на всякий случай – вдруг на эту иллюминацию действительно прилетят любопытные охотники.

Над Полигоном завывала сирена. Тоже, кстати, восстановленная Зарифом. Выждав для верности пару минут, я приказал электрику включать подсветку. Вдоль

двухкилометровой полосы загорелись параллельные ряды огней – белые в центре полосы, желтые на концах, вдали виднелись красные и даже белые мигающие. В разметке ВПП я ничего не понимал, зато мгновенно сообразил, что нам самим нужно срочно спускаться в укрытие, так как такой фейерверк огней не мог пройти незамеченным для кораблей пришельцев.

Зариф выключил подсветку, и все кинулись вниз в расположенный у подножья башни вход в подвальное помещение. Через минуту над Полигоном кружило сразу четыре чёрных треугольника. Быстро же они собрались! Следующие минут сорок пришлось укрываться в подвале – летающие охотники долго не желали расходиться, выписывая круги над Полигоном. Пока мы находились в подвале, Ромка вдруг сказал заговорщицким шёпотом:

– Виктор, Сильвер вчера приходил к нам в дом и долго говорил с Константином Ивановичем и его женой. Нас с Егором взрослые попросили идти на улицу, но я слышал, что Сильвер говорил о тебе недоброе. Этот одноногий явно что-то замышляет! Я бы на твоём месте ему не доверял.

Я поблагодарил своего маленького друга за заботу и пообещал быть с капитаном более осторожным. Мне и самому не нравилось изменившееся поведение Колованова – тот всё более демонстративно игнорировал распоряжения и даже бравировал этим перед другими обитателями Полигона. Дело шло к открытому конфликту. Начинать первым трудный разговор с капитаном я не хотел, однако и терпеть неподчинение бесконечно не собирался.

Тут заработала рация на поясе:

– Это «Королева Марго», почтальон на месте. Забрать посылку пока не можем, он не уходит.

– Поняли тебя, «Королева Марго». Не показывайтесь. Ждите, – тут же ответила рация голосом Лизы Святовой.

«Королева Марго» был позывной Маргариты Буйновой. Рации пока что имелись у восьми человек – у меня, Лизы, Константина Ивановича и пяти девушек – руководителей шестёрок. Каждый из обладателей рации выбрал себе позывной и прошёл лично мной проведённый инструктаж по безопасности. Основные правила были просты: говорить мало, не называть никаких названий посёлков и

имён, ни при каких условиях не произносить имя «Виктор». Все обитатели Полигона использовали полупрофессиональные рации без кодирования сигнала с дальностью приёма до десяти километров. До Хотьково было гораздо дальше, но я опасался, что «хотьковские» связисты по-прежнему продолжают прослушивать эфир, а перехватить с помощью имеющейся у них чувствительной армейской аппаратуры наши переговоры не составляло большого труда.

Хоть я и имел всегда при себе рацию, но практически никогда не говорил сам, опасаясь быть узнанным по голосу. За меня всегда отвечала Лиза, чётко следуя полученным инструкциям или в соответствии со своим пониманием ситуации. Лиза прекрасно справлялась со своей задачей, лишь пару раз за последние месяцы мне пришлось вмешиваться и поправлять её.

Кроме «Королевы Марго», существовали также позывные «Кристи», «Бестия», «Кровавая Мэри» (Маша Гаврилова), «Рассвет» (Света Камышева). Константин Иванович выбрал себе позывной «Константа». Лиза Святова сперва взяла себе псевдоним «Сумасшедшая», но он оказался длинным и неудобным, потому через месяц девушка сменила его на «Фурия». Официально моим позывным был «Беглец», но произносить его по рации всё равно не рисковали, поэтому остальные просто сообщали мне свою информацию, зная, что я услышу, а Лиза ответит за меня.

Сообщение Марго означало, что курьер «кимринских» прибыл на условленное место и оставил в тайнике сообщение. Новость была хорошей – соседи ответили на письмо. Оставалось дожидаться возвращения группы Маргариты и ознакомиться с ответом.

Угроза с неба миновала, так что я продолжил свою инспекцию. Следующим пунктом маршрута стал автомобильный ангар. Тут трудились Слава Першин, Сергей Воронов и два его племянника – Антон и Артём. Их общей задачей являлось восстановление хранящейся на Полигоне техники.

Это было самой больной темой для меня. Что меня действительно разочаровало на Полигоне, так это даже не общее состояние запущенности. Зброшенный аэродром и неработающая диспетчерская, местами поваленные железобетонные плиты забора и многометровые дыры в ржавой колючей проволоке, украденный на цветной металл медный кабель, наглухо заваренная дверь в давно брошенный подземный бункер – всё это возможно было восстановить и починить. Но вот десятилетиями гниющие под открытым небом машины,

бронетранспортёры и танки... На это было больно смотреть, так как теперь большая часть техники превратилась в ни на что не годные груды металлолома.

Как рассказывал капитан Колованов, находившаяся тут армейская часть ещё в 90-е годы прошлого века попала под сокращение. Всю находящуюся в более-менее пригодном состоянии технику вывезли, остальное просто бросили ржаветь. В последние годы на всей большой территории закрытого полигона оставалось только три десятка солдат срочной службы и несколько офицеров. Их основной задачей являлась охрана складов со стрелковым оружием и боеприпасами, на остальное просто не хватало людей.

Когда после вторжения из столицы поступила команда двигаться к Москве, военные забрали всю технику, которая могла передвигаться своими силами. Гордостью колонны был «Терминатор» – боевая машина поддержки танков, их в количестве двух штук буквально перед самым вторжением привезли на удалённый полигон для тренировки экипажей перед очередной выставкой современного вооружения. Именно этого монстра я и видел в хвосте уничтоженной пришельцами колонны.

Собрат того «Терминатора» стоял сейчас в разбитом состоянии на Полигоне – вторжение застало машину как раз в момент испытаний ходовой части. Мужики-ремонтники сокрушённо качали головой – если и возможно было восстановить «Терминатора», то это представлялось крайне трудной задачей. В отношении другой техники прогнозы оказывались более оптимистичными – часть ржавой бронетехники поддавалась починке, запчасти для ремонта полагалось снимать с других аналогичных экземпляров. Первыми достаточно быстро удалось отремонтировать армейский «уазик» и большой тягач. И вот уже второй месяц мужики бились над восстановлением БМП-2. По словам Сергея Воронова, оставалось «совсем чуть-чуть». Однако такое обещание я слышал и две, и три недели назад, но более конкретных сроков бывший сельский водитель грузовика назвать не мог.

Я пообщался с ремонтниками и двинулся с инспекцией дальше. Меня интересовало здание котельной, где трудился Константин Иванович вместе с женой и Яромирой – симпатичной девушкой из Белоруссии, приехавшей в этом году поступать в один из московских вузов. На время вступительных экзаменов Яромира жила у тётки в деревне Ябдино, откуда со станции Лебзино ездила в Москву на электричке. В день вторжения Яромира тоже поехала в столицу на консультацию по математике, но по дороге в Москву электропоезд попал под

обстрел. В момент атаки состав находился на станции Вербилки, случилось очень много жертв. Яромира смогла выбраться из охваченного пламенем вагона и укрыться под перроном вместе с группой других пассажиров. Только ночью девушка рискнула вылезти, после чего пошла пешком по шпалам в обратную сторону. Тридцать километров – в теории это не так уж и много. Однако на то, чтобы их пройти, Яромире понадобилось одиннадцать суток.

Многое пришлось пережить девушке, пока она возвращалась в Ябдино. Постоянный страх смерти, голод, холод, унижения от повстречавшихся ей отморозков. Плен и неудачная попытка к бегству. Опять боль и унижения. Второй побег, тоже неудачный, после которого девушку посадили на цепь, словно собаку. Третий побег. Когда утром двенадцатого дня едва передвигающая ноги от усталости и истощения Яромира увидела знакомые домики деревни Ябдино, её ждало новое разочарование – деревня оказалась покинутой жителями, тётка убыла в неизвестном направлении.

Яромиру обнаружили девушки из группы Кристины, нашли самой первой из местных жителей вокруг Полигона. В тот день школьницы пошли в свою первую разведку за пределы периметра и услышали доносящийся стук молота. Пойдя на звук, девчонки заметили в одном из дворов тощую грязную босую девушку в рваной одежде, которая пыталась сбить с себя ошейник. При появлении вооружённых людей в армейской форме Яромира истерически завизжала и ринулась убежать, однако с волочащейся по земле тяжёлой цепью сделать это не удалось.

Ошейник с неё сразу же сняли, но несчастная долго не могла успокоиться – кричала, вырывалась и пыталась кусаться. Когда её привели на Полигон и показали мне, сперва я решил, что от переживаний девушка тронулась умом – настолько неадекватно вела себя Яромира. Но постепенно Татьяна Хмельницкая и Любовь Крутова сумели её успокоить, и выжившая белоруска поведала горькую историю своих мытарств.

Сперва я распределил новенькую к остальным девушкам в группу Лизы. Но тут случилась незадача – в первый же день Яромира подралась с тихой, мирной медсестрой Настей Молчановой, которая ей обрабатывала ссадины и ушибы. Причину ссоры не раскрыла ни одна из подравшихся девушек, и я списал инцидент на общее нервное напряжение у новенькой. Однако к вечеру те же девушки сцепились повторно, с царапаньем, визгом и выдиранием волос. Яромира победила, но тут в драку на помощь подруге кинулась Бестия, и всё

разгорелось с новой силой. Пришлось мне лично разнимать девушек, дерущихся с остервенением диких кошек. Причиной ссоры, как выяснилось, оказался католический крестик на шее Яромиры...

В итоге белорусскую девушку перевели в группу Константина Ивановича, и он вместе с женой очень тепло принял новенькую, которая чем-то напомнила им погибшую старшую дочь. С тех пор прошло три месяца, больше конфликтов на религиозной почве не возникало, но Яромира так и не сдружилась ни с кем из девчонок группы Лизы Святовой. Самым удивительным для меня в этой истории являлось то, что к таджикским мусульманам Юлдашевым Яромира относилась совершенно спокойно. Зариф даже пытался ухаживать за ней, причём по слухам безуспешно.

В старой заброшенной котельной шла большая уборка. За долгие годы тут накопилось много хлама – пустые ящики, старая мебель, мусорные мешки, а в последние годы солдаты части использовали удалённое здание ещё и как дополнительный туалет. Но сейчас здание уже вычистили, мусор вынесли и сожгли. Константин Иванович сейчас занимался заменой выбитых стёкол в рамах, а Любовь и Яромира оттирали полы от многолетней грязи и копоти. Я поздоровался со всеми и поинтересовался успехами.

– Как видишь, мы тут всё отмыли, – указал Константин на убранную комнату. – Насчёт котла сказать пока ничего не могу, не было времени проверить. Но вот трубы точно менять придётся, они насквозь проржавели, просто дыра на дыре.

– Там Зариф сегодня починил подсветку на аэродроме, и большой локатор уже стал вращаться. У парня просто золотые руки. Я его тогда к вам направлю в помощь, пусть посмотрит котёл. Константин Иванович, к зиме необходимо обеспечить горячую воду на Полигоне.

– Сделаем! – пообещал Константин, а потом вдруг посмотрел недоверчиво на жену и Яромиру и попросил меня отойти с ним пошептаться наедине.

Я отметил для себя, как покраснели щеки Яромиры при упоминании имени Зарифа. Видимо, слухи про их близкие отношения имели под собой основания. Мы вышли с Константином на улицу и отошли подальше от здания. Я предполагал, что речь пойдёт о взаимоотношениях Зарифа и Яромиры, которую Константин Иванович считал приёмной дочерью. Однако я ошибся, разговор

пошёл про одноногого капитана.

– Виктор, капитан Колованов подбивает всех устроить бунт и сместить тебя с поста руководителя, – сразу же сообщил мне Константин. – Меня с женой капитан тоже агитировал. Для вида мы ответили, что подумаем. На самом деле мы не хотим участвовать в этой смуте, нас с женой всё устраивает. Мы видим, как много ты делаешь для всех, как преобразается с каждым днём наше убежище. Тут действительно становится всё уютнее. Поэтому мы полностью на твоей стороне, можешь на нас с женой рассчитывать.

Я поблагодарил за поддержку, а также сообщил, что после обеда уйду с девушками Светы Камышевой в свободный поиск к целой группе деревень севернее Полигона. Поинтересовался, чего не хватает больше всего им для жизни? Константин, который исполнял на Полигоне обязанности завхоза, задумался ненадолго и ответил:

– Женщинам нужна ткань любых цветов для одежды. Нужно постельное бельё, подушки или хотя бы наполнитель для подушек. Нужен сахар, любая крупа кроме перловки и пшёнки, их у нас много. Также нужно мыло – и хозяйственное, и банное. Детям нужны фрукты и свежие овощи. Ну и нужны книги: учебники, справочники и просто художественная литература. Книги, наверное, важнее всего остального будут, поэтому бери всё, что найдёшь, чтобы народ тут не свихнулся и не одичал с тоски.

Пообещав посмотреть насчёт книг и всего остального, я направился к последней точке сегодняшнего обхода – удалённому зданию, к которому тянулись провода от дизель-генераторов. Тут располагалась созданная месяц назад служба новостей Полигона. Хозяйничали в здании двое подростков – Миша и Аня Костюки, родные брат с сестрой, которых девчонки-разведчицы обнаружили полтора месяца назад бредущими по лесу со стороны деревни Волдынь. Дети были промокшими, замёрзшими и страшно истощёнными. Когда мы их накормили и напоили, подростки поведали, что пешком шли аж от самой Москвы.

От рассказанного ими кровь стыла в жилах. Подросткам довелось пережить ужас московского метро. В первый день вторжения Миша и Аня вместе с родителями укрылись от летающей смерти на станции метро «Динамо». В метро набились тысячи и тысячи людей. Давка происходила такая, что десятки людей на перроне получили увечья и даже погибли, затоптанные обезумевшей толпой.

Солдатам пришлось даже открыть огонь на поражение по вновь прибывающим и закрыть массивные створки на станции, отрезав таким образом метро от внешнего мира.

То, что люди сами себя загнали в ловушку, стало ясно уже к началу следующего дня – от нестерпимой духоты и тяжелого запаха фекалий стало просто нечем дышать. Вентиляция на станции не справлялась с такой нагрузкой, а затем и вообще вышла из строя, когда какие-то «умельцы» попробовали заставить её работать интенсивнее. Горе-ремонтников озверевшая от жары и нехватки воздуха толпа забила насмерть. Но этими смертями дело не ограничилось – яростные схватки со смертельными исходами вскоре стали возникать повсеместно: за сидячие места в вагонах, за место поближе к шахте вентиляции, за бутылку минералки или питьевой воды. Отца Ани и Миши убили ударом ножа в живот только за то, что он отказался уступать незнакомцам лежак, который семья Костюков соорудила из своих курток и тёплых вещей. Тело отца скинули просто под колёса стоящего тут же на станции состава в груды других мёртвых тел.

Единственным источником существования семьи стал прихваченный из дома радиоприёмник на батарейках – его длинная антенна позволяла ловить сигналы радиостанций там, где не ловили айфоны и другие средства связи. Послушать новости с поверхности собирались соседи по несчастью, затем эти новости уже пересказывали всем остальным. С семьёй Костюков делились крохами еды и остатками воды за то, что они поставляли новости.

Прожитые на станции метро недели, в которых не было смены дня и ночи, слились в один бесконечный кошмар. Единственным светлым пятном Миша выделил лишь тот безумный восторг, какой у беженцев вызвало известие, что на помощь запертым в метро людям вызваны войска из Подмосковья. Люди смеялись и плясали на перроне от счастья, молились за спешащих к Москве воинов и ждали скорого спасения.

Однако анализируя сумбурные обрывочные новости, Миша первым сообразил, что армия не придёт на помощь заблокированным в метро москвичам. Представить себе, что случится через несколько часов, когда разъярённая толпа будет искать виновников «лживой информации», было совсем не трудно. Поэтому они с матерью приняли решение уходить по опасному туннелю к соседней станции «Сокол» и далее на север. До «Сокола» они дошли, но это оказалось жуткое царство разложения и мрака, в котором к тому же

свирепствовала эпидемия. А вот дальше линия метро оказалась и вообще перекрыта – в туннеле в сторону «Войковской» свирепствовали озверевшие с голода каннибалы.

Пришлось уходить в служебные тёмные туннели и передвигаться в них на ощупь. Одному Богу известно, сколько времени дети провели в кромешной тьме, слепо шаря пальцами по сырым стенам или бредя вдоль обесточенных кабелей, постоянно упираясь в тупики или блуждая кругами. На поверхность дети вылезли через какой-то канализационный коллектор, но путь к свету нашли только они с сестрой. Мать они потеряли где-то в потёмках подземных туннелей. Они долго искали её, но так и не нашли.

Поверхность столицы встретила выживших неприветливо – многочисленными летающими охотниками и повсеместными свидетельствами разрушений, смрадным запахом и огромным количеством разлагающихся трупов. В городе там и тут слышались перестрелки – это банды делили территорию. Дети оказались в ужасе от увиденного и решили покинуть умирающий город. Трудно оказалось пересечь МКАД – эта кольцевая дорога круглосуточно сторожилась инопланетными захватчиками. Но брат с сестрой сумели всё же покинуть Москву и потом брели без особой цели, просто стараясь уйти как можно дальше от того кошмара, который остался за их спинами. Увидев вооружённых людей из группы Бестии, брат с сестрой даже не попытались убежать, а просто рухнули наземь.

В настоящее время Миша Костюк, починивший свой радиоприёмник, отвечал за сбор сведений об окружающем мире, а его сестра занималась ремонтом принесённых разведчиками компьютеров и разных электроприборов. К тому же брат с сестрой совместно выпускали местную газету, печатая в ней самые интересные новости из происходящего на Полигоне и за периметром.

Когда я зашёл к ним в комнату, сидящий перед радиоприёмником в громадных наушниках Миша поднял руку, одновременно здороваясь и призывая пока не отвлекать его. Я отошёл и повернулся к Ане. Девчонка сидела перед раскуроченным системным блоком, возле неё на рабочем столе россыпью лежало несколько планок памяти и вынутая видеокарта. Рядом на полу возвышалась целая гора новеньких принесённых разведчиками бесполезных ноутбуков – активировать предустановленные на них современные операционные системы без Интернета так и не получилось, как и найти драйвера для всех устройств для более старых версий операционных систем.

– Думаем с братом организовать вечерний кинотеатр в одном из пустующих помещений бункера, – сообщила мне Аня, указав на стопку DVD с фильмами. – Будем крутить хорошее кино каждый день, все будут довольны, а то развлечений после работы вообще никаких, разве что только шахматы и домино. Проектор у нас уже есть, лишний компьютер сегодня соберу, за день-два зал отчистим, стулья принесём и побелим стену. Что скажешь, начальник?

Я задумчиво потёр пальцем переносицу. Кинотеатр означал, что по полтора-два часа в день мои люди будут теперь сидеть впустую перед экраном. Лично у меня не имелось такого количества свободного времени. У руководителя Полигона день был расписан поминутно, и вечером мне едва хватало сил доползти до кровати. Да и у Лизы, и её подруг, насколько я знал, загрузка была не меньшей – дозоры, разведка, спортивная и стрелковая подготовка, походы за припасами и куча других дел. За все три месяца ещё ни одна из интернатских девчонок не пожаловалась, что ей вдруг стало скучно. Некогда скучать, когда именно от активности сейчас зависит будущее Полигона. Хотя, с другой стороны, на Полигоне обитало шесть десятков самых разных людей, и я вполне мог не до конца понимать нужды остальных. К тому же просто взять и отказать инициативе Ани и Миши, которые очень многое делали на благо Полигона, тоже было неправильным. Поэтому я решил найти компромисс:

– Хорошая идея с кино, молодцы. Помещение под кинозал я для вас выделю, найду и помощников, которые мебель принесут и всё отчистят. Хотя ежедневный кинопоказ пока несвоевременен. Людей и так сильно не хватает, мы работаем каждый за четверых и валимся с ног от усталости в конце дня. Пока можно организовать кино по воскресеньям, чтобы как-то выделить эти формально выходные дни. А потом, как народу внутри периметра станет побольше, можно будет уже и ежедневно радость людям приносить.

Подошёл освободившийся Михаил, выглядел он несколько расстроенным:

– Сегодня уже пятый день подряд не выходит в эфир ни одна из трёх тверских радиостанций. Молчит даже «Голос Твери», который ретранслировал новости с северо-западных областей и Питера. Боюсь, как бы мы вообще не потеряли связь с северной столицей.

Весть оказалась печальной, но всё же не затрагивающей напрямую жителей Полигона. Меня гораздо больше интересовали новости про близких соседей.

– Станция в Дубне по-прежнему передаёт только музыку, новостных передач давно уже они не пускали в эфир. Сергиев Посад, как всегда, бахвалится своими военными победами. На этот раз они вместе с «красноармейскими» и «дмитровскими» якобы захватили Софрино. Наверное, врут, так как Софрино в военном союзе с Пушкино, и бронетехники у них много. Талдом молчит. Кимры тоже молчат. Из Москвы сообщают, что враждующие группировки договорились объявить Южное Тушино нейтральной территорией. Там есть безопасные подходы к пресной воде водохранилища, что в условиях постоянной угрозы сверху стало очень актуальным.

Я секунду подумал и объявил:

– Новость про перемирие в Москве обязательно напечатайте в вечерней стенгазете Полигона наряду с известием о починке освещения полосы аэродрома. Про остальное не надо – нечего народ расстраивать...

Полигон. Неудачные переговоры

Выехали на «Урале» сразу после обеда. Грузовик быстро мчался лесными дорогами на север к деревне Цыганово, которая являлась первой точкой сегодняшнего маршрута. Ещё недавно эта дорога не годилась для проезда – была сильно заросшей и местами вообще перекрытой упавшими деревьями. Но за несколько предыдущих пеших походов на север отряды разведчиков расчистили её для сегодняшней большой вылазки.

Девушки шутили и смеялись. Для них сегодняшняя поездка представлялась весёлым развлечением, которое скрашивало однообразные будни Полигона. К тому же сегодня ожидалась хорошая добыча – предыдущие пешие рейды к Цыганово показали, что эта деревня, как и группа соседних посёлков, была покинута жителями ещё в самые первые дни вторжения и практически не разграблена. В прошлые два раза девушки ходили туда пешими и каждый раз возвращались с полными сумками еды, медикаментов и одежды. Но в руках много не унесёшь, поэтому на этот раз поехали на грузовике. После случая, когда отряд на «Урале» едва не заперли на окраине посёлка Кимры, я обещал себе больше не ездить на грузовике далеко от Полигона. Но тот случай произошёл достаточно давно, да и на этот раз использование машины

выглядело оправданным – небо надёжно контролировалось, а в Цыганово мы никого раньше не встречали.

Летающих охотников я не опасался – с диспетчерской вышки Полигона просматривались окрестности на пятнадцать-двадцать километров, так что о появлении треугольных кораблей отряд бы немедленно информировали по радиации. Единственное меня смущал поредевший осенний лес – ещё несколько дней, и листьев на деревьях не останется вовсе. Лес будет насквозь просматриваться с воздуха, и укрыться при появлении летающего охотника под кронами деревьев больше не удастся. Именно поэтому приходилось торопиться и рисковать – за следующие два-три дня предстояло максимально много перевезти на машине. Потом же о дальних поездках придётся забыть до следующей весны.

– Это Королева Марго. Почтальон не уходит. Жду инструкций, – раздался голос Маргариты.

– Фурия для Королевы Марго. Себя не обнаруживать, продолжать вести наблюдение, – мгновенно ответила Лиза Святова.

Вот ведь настырные эти «кимринские»! Хотят увидеть, кто заберёт ответ на письмо и куда понесёт. Я считал, что этого позволять ни в коем случае не следует – нельзя перед трудными переговорами раскрывать свои карты. О чём можно будет говорить с «кимринскими», если они узнают, что их сосед и потенциальный союзник – всего лишь несколько боеспособных мужиков и три десятка школьниц?

Однако думать об этом пока преждевременно, да и машина уже заезжала в Цыганово. Девушки выпрыгнули на землю и построились, ожидая инструкций. Я зачитал им список необходимого, а также указал на вход в обнаруженный в прошлый раз подвал с мешками картошки и целыми стеллажами компотов и консервированных овощей. Приказав напоследок далеко от машины не отходить, чтобы не пропустить возможный сигнал тревоги, я отпустил девчонок на поиски. Светка разбила свой отряд на пары, после чего девушки с радостными криками кинулись врассыпную по дворам в поисках ценного для Полигона.

Сам я посещал Цыганово уже в третий раз – дважды до этого с группой Кристины, и вот сейчас с группой Светы Камышевой. Прошлый раз был тут всего три дня назад и заметил пару домов, содержащих запасы продуктов, одежду и другие ценности, взять которые в прошлые разы не получилось, так все члены отряда были перегружены. Как раз в один из этих домов я и направился.

Едва войдя в прихожую, резко остановился – в доме за прошедшие дни явно кто-то побывал! Вот тут, я это точно помнил, на стене висела вешалка с куртками, а под ней стояли ботинки и сапоги. Сейчас вешалка оказалась выдрана из стены вместе с гвоздями и валялась на полу. Никакой одежды и обуви не осталось. Внутри дома вели многочисленные грязные следы сапог или ботинок крупного размера, хотя раньше пол тут был пыльным, но не грязным. Я в прошлый раз не мог натоптать – в тот день стояла сухая погода. Когда же шёл дождь в прошлый раз? Позавчера, кажется. Значит, нас опередили на два дня.

Пройдя в следующие комнаты, с горечью признал, что всё ценное уже оказалось вынесенным. Пропала даже мебель, не то что одежда и постельное бельё. Досадно, но не критично – в Цыганово имелись и другие дома, а кроме того, рядом находилось шесть или семь подобных деревень. Но на улице я увидел идущих навстречу девушек – в соседних домах оказалось тоже пусто, а в указанном им подвале не осталось ни одной банки, ни одного ящика. Всё, что удалось добыть в Цыганово – нарвать пару вёдер поздних яблок и корзину гроздей тёрна. Такая скудная добыча даже не окупала потраченного на дорогу бензина.

Пришлось ехать в соседнее Головино. Ещё издалека у самого въезда в Головино я увидел длинную фуру, практически полностью перегородившую дорогу. Это вызывало опасение, поэтому ближе подъезжать я не стал. Девушки выпрыгнули из «Урала» и тут же разбежались в стороны, укрывшись в высокой траве и кустах. Я же осмотрел подозрительную машину через бинокль. Грузовой «Вольво», кабина была открытой и пустой. Никого рядом с грузовиком не наблюдалось. Заперев свой грузовик, наша группа подготовила оружие и осторожно двинулась вперёд.

Первым делом я пощупал рукой решётку радиатора и металл кабины «Вольво». Металл был холодным, машина успела остыть. В кабине «Вольво» в замке зажигания торчал ключ с красивым брелоком. На соседнем с водительским местом лежал автомат АКСУ-74 с полным рожком патронов. Очень странно. Кто-то оставил своё оружие без присмотра!

Обойдя фуру, я обнаружил, что задние двери открыты для погрузки. Огромный трейлер оказался забит наполовину – тут находилась и разобранная мебель, и тюки с одеждой, и даже ящики с картошкой и баллонами консервированных овощей и компотами. Именно эти компоты заставили меня внимательнее осмотреть груз. Точно! Это же мебель из Цыганово! Те сложенные у стены красивые стулья с красной обивкой и резными спинками я как раз заметил в предыдущей деревне.

Я вылез из кузова и внимательно осмотрелся. Первым делом обратил внимание на грязь на колёсах – уже засохшую и местами даже обсыпавшуюся. Обвалившиеся пласты грязи лежали у самых колёс. Получается, этот трейлер ехал по густой вязкой грязи два дня назад, а потом остановился. И с тех пор простоял тут двое суток. Очень странно.

– Смотрите, курица! – обратила внимание всех Света Камышева на настоящую живую птицу.

Все тут же мгновенно забыли о грузовике и во все глаза смотрели на выжившую птицу. Курица была рыжей и крупной, сейчас она с важным видом ковырялась в земле на запущенном огороде. И тут, словно в подтверждение нереальности происходящего, откуда-то из-за забора закукарекал петух. Все члены отряда оживлённо переглянулись. Настоящая живая курица с петухом! Это же потенциально со временем яйца, цыплята и свежее мясо. Никому ничего объяснять не потребовалось – эта добыча крайне нужна Полигону, причём обязательно живьём. Все засуетились.

– Обходи её слева... Мешок, мешок приготовьте... Калитку скорее закрывайте, не дайте ей уйти с огорода... Цыпа-цыпа, иди сюда...

Курица, почуяв неладное, насторожилась и внимательно разглядывала приближающихся людей. Потом взмахнула крыльями и вспорхнула на невысокий заборчик. Посмотрела, наклонив голову, на замерших преследователей и спрыгнула с противоположной стороны забора.

– Не дайте ей уйти в лес! Гоните её в деревню! – приказал я.

Но курица и сама не собиралась приближаться к кустам, за которыми начинался лес. Наоборот, птица от этих кустов панически шарахалась. Глупая курица судорожно пометалась без толку между стеной дома и забором, попыталась несколько раз вспорхнуть на высокую поленницу, где и была поймана Светкой под аплодисменты и радостные возгласы девушек. Половина дела сделана. Оставалось найти голосистого петуха.

Но тот, как назло, затих и затаился. Мы с девушками медленно шли вдоль улицы, заглядывали во дворы, пробовали звать глупую птицу. Всё без толку. Тогда я приказал отряду разделиться и идти параллельно двумя группами – одна группа со стороны леса, другая по улице. Я даже пытался кукарекать, подражая петухам – старался раздражить и заставить себя выдать осторожного «петьку». И тут увидел собаку.

Последний раз живых собак я видел ещё до вторжения, так что тут было от чего удивлённо остановиться. Крупный бело-рыжий кобель, пёс вылез через какую-то дыру под забором и теперь смотрел на людей. Было в его взгляде что-то неправильное, от чего пробирала дрожь. Я не сразу сообразил, что именно. Обычно одиночные собаки смотрят на чужих людей или равнодушно, или с опаской. Или, наоборот, громко лают, отгоняя от своей территории. Этот пёс просто смотрел – без малейшего страха, внимательно, оценивающе. Как на... добычу?

Из той же дыры вылезла ещё одна шавка – мелкая, рыжая. А следом почти сразу ещё пяток разномастных одичавших бывших друзей человека. Все они стояли и просто смотрели. Особенно меня смутил последний – тёмно-серый крупный самец. Сердце испуганно ёкнуло – да это же не собака! Это же волк, самый настоящий!

– Медленно отходим назад, не оборачиваемся! – скомандовал я идущей рядом Насте Молчановой.

Настя испуганно ухватила меня за плечо и шаг за шагом стала отступать вместе со мной. Собаки и волк пошли следом – не приближаясь, но и не давая добыче увеличить расстояние. Я снял с плеча автомат и перевёл в режим автоматической стрельбы. При этом мысленно выругался – Настя Молчанова была одной из немногих девушек, которые наотрез отказывались брать в руки оружие. Если стая нападёт, у нас будет всего один автомат. Я громко крикнул остальным девушкам приготовить оружие и собраться всем вместе посреди

улицы. Судя по заклацкавшим взводимым пружинам автоматов, мою команду услышали.

– Смотри, там ещё собаки! – указала Настя куда-то в сторону леса.

Я быстро повернул голову в ту сторону, чтобы оценить масштаб проблемы. Проблема оказалась смертельно опасной – со стороны леса медленно приближались серые и чёрные тени, не менее двух десятков. Они уже обошли людей большим полукругом, прижимая к высокому глухому забору. Позади хищники отрезали нам путь к переулку, по которому мы с Настей вышли к лесу. К счастью, как раз рядом в заборе оказалась калитка. Настя подёргала ручку, и дверь распахнулась. В ту же секунду, словно по команде, вся стая бросилась вперёд. Я успел шмыгнуть в открывшийся проём и захлопнул дверь прямо перед оскаленной мордой хищника.

– Бежим к остальным! – заорал я, подталкивая спутницу вперёд.

На бегу развернулся и дал короткую очередь в белого пса, который одним прыжком перемахнул через забор. Собака взвизгнула и завалилась на бок, подёргивая лапами. Рассматривать подстреленного врага времени не было – сразу четыре или пять зверей перемахнули через препятствие. Я дал длинную очередь и побежал вперёд через двор. А впереди на улице уже трещали выстрелы. Дал ещё одну длинную очередь по преследующим нас собакам, я на бегу отстегнул опустевший магазин.

Мы с Настей успели добежать до остальных и встать спиной к спине. Шесть автоматов не замолкали ни на секунду. Я расстрелял второй рожок и выхватил «Гюрзу». Всё новые и новые твари, перепрыгивая через тела убитых сородичей, мчались к людям. За моей спиной закричала от боли какая-то из девушек. Я резко развернулся и трижды практически в упор выстрелил в башку лесного хищника, ухватившего Настю за руку и повалившего девушку на землю. Зверь умирал, но не разжал челюсти. Я снова и снова нажимал на курок, но раздавались лишь щелчки – кончились патроны. Но тут Света Камышева приставила автомат к уху волка и дала короткую очередь, навечно успокоившую опасную тварь.

И всё разом стихло. Вся улица была усеяна собачьими и волчьими телами. Некоторые звери ещё дёргались в агонии, другие пытались уползти, оставляя

широкие кровавые следы на пыльной земле.

– Собаки, напавшие на человека, обязательно должны быть уничтожены все до единой! Никто из людоедов не должен уйти отсюда живым! – приказал я.

Пока девушки добивали раненых собак, я вернулся к трейлеру и сменил автомат. Теперь я был уверен, что предыдущему хозяину оружие уже не понадобится – я понял, что случилось с предыдущей группой. Пока Света перевязывала своей подруге прокушенное запястье, мы с остальными девушками прошлись по дворам.

Страшная находка обнаружилась внутри одного из домов – окровавленные тряпки, стреляные гильзы и обглоданные человеческие кости. Люди оказались застигнуты врасплох и не оказали серьёзного сопротивления. Точное количество трупов по разбросанным костям подсчитать было трудно, но где-то восемьдесят человек. На всех них оказался только один автомат, второй остался в кабине грузовика. Откуда приехала эта группа, так и осталось невыясненным.

* * *

Обратно вернулись уже в потёмках. Чёртова петуха мы так и не поймали, но зато полностью загрузили фуру вещами. За это время на «уазике» приехали Константин Иванович и Сергей, чтобы разом увезти на Полигон все машины. Среди трофеев имелись и книги, и постельное бельё, и два пятидесятикилограммовых мешка сахара, много макарон и гречки, два ящика вина и водки, и даже несколько бутылок шампанского «Абрау-Дюрсо» в подарочных упаковках. Шампанское я приказал приберечь на Новый год.

Пока остальные занимались разгрузкой фуры, я спустился в свой кабинет на третьем подземном уровне бункера, где меня давно поджидали Лиза Святова и вернувшаяся Маргарита с посланием из посёлка Кимры. Разведчица передала запечатанный конверт, на котором стояли штамп «Секретно» и надпись размашистым уверенным почерком «Передать лично в руки командиру отряда». Я посмотрел письмо на просвет на фоне яркой лампы дневного света – ничего подозрительного, в конверте вложен лишь один листок бумаги. Я вскрыл конверт и зачитал вслух:

«Завтра в 19-00 на указанном вами месте. Приводите не больше трёх человек без оружия. Комендант восточного побережья Череп В. Ю.»

Я подошёл к расстеленной на столе подробной карте. Место для переговоров с «кимринскими» я выбрал далеко не случайное – деревня Клетино, которая располагалась совсем близко к Кимрам, но при этом не контролировалась «кимринскими» и служила своего рода нейтральным буфером между враждующими Кимрами и Дубной. Чуть восточнее Клетино в поле стоял сгоревший танк – наглядное свидетельство некогда бушевавших тут жарких приграничных споров за контроль над деревнями на восточном берегу Волги. Эти бои проходили в конце лета, и однажды я даже лично стал свидетелем одного из таких ожесточённых столкновений. Потом между Дубной и Кимрами было подписано перемирие, а опустевшая почти полностью разрушенная деревня Клетино так и осталась нейтральной территорией.

– Сам пойдёшь? – сухо спросила Лиза.

Я утвердительно кивнул, продолжая рассматривать карту и подходы к месту встречи. У меня не было никаких причин доверять «кимринским». Если бы не нытьё одноногого капитана, ни за что бы не пошёл на эти переговоры.

– Лиза, вызови прямо сюда Кристи и Бестию. Марго, подойди к карте. Завтра с утра ты с девушками вместе с Константином Ивановичем и его людьми поедешь на грузовике в Головино, это вот здесь. В посёлке вам нужно будет находиться всё время начеку, оружие не убирать, там могут ещё оставаться собаки-людоеды. Ваша задача – загрузить машину трофеями. Что именно брать, решайте сами, но цель номер один – изловить живущего там петуха. Эта хитрющая птица прячется где-то между постройками.

Подошли Бестия и Кристи. Я отпустил Маргариту ужинать и отдыхать, после чего закрыл герметичную звуконепроницаемую дверь в свой кабинет и с девушками-офицерами начал обсуждение завтрашнего трудного дня. Когда совещание закончилось, и руководители групп ушли, Лиза тяжело вздохнула:

– Виктор, ты очень изменился с того момента, как мы в первый раз увиделись.

– Надеюсь, в лучшую сторону? – попытался я свести разговор в шутку.

– Я не знаю, в лучшую или худшую, но ты стал совсем другим: властным, расчётливым, хитрым, временами жестоким. В тебе умер тот весёлый парень, который беззаботно прожигал время на дискотеках, гулянках и свиданиях с бесчисленными подругами. Ты стал вожаком – молодым и полным сил, но скорее злым, чем добрым. Увидь я тебя таким в день нашей первой встречи, я бы не доверила тебе судьбы своих девушек.

Я удивлённо посмотрел на лидера девушек. Мы долгое время смотрели друг другу глаза в глаза, но Лиза первой отвела взгляд в сторону. С нажимом в голосе я поинтересовался:

– Елизавета, а ты не думала, что единственный шанс выжить в изменившемся и ставшим в одночасье жестоким мире – самому меняться и становиться жестоким?

Лиза не ответила. Она молча скинула с коленей лаптящую кошку Соньку, убрала со стола карту и стала расставлять посуду для ужина. Однако я понял, что не переубедил свою подругу, и Лиза осталась при своём мнении. Поэтому привёл свежий пример:

– Сегодня в Головино мы оказались на волосок от смерти и выжили лишь потому, что шестеро из семи членов отряда были вооружены и неплохо умели стрелять. А если бы я тогда поддался на жалобы девушек и позволил им отлынивать от изнурительных занятий у Сильвера? Что случилось бы, если бы не только Настя Молчанова, но ещё двое-трое девушек оказались сегодня безоружными? Я тебе отвечу – лежали бы наши обглоданные кости на пыльной улице, а ты бы никогда и не узнала, что же с нами произошло. Ты стала бы новым руководителем Полигона, и через день-два направила бы вторую группу с заданием искать нас. И та группа тоже бы погибла... Поганый вариант вырисовывается. Но только я вот не прогнулся, несмотря на все жалобы обитателей Полигона, на их слёзы и мольбы. Да, обитатели считали меня самодуром и деспотом, но вынуждены были учиться и тренироваться. Эх, видела бы ты своих подруг сегодня, меня просто гордость взяла за таких спутниц! Они стояли спина к спине, ни одна не струсила при виде атакующих волков-людоедов, ни одна не бросила оружие и не убежала. Мы стояли насмерть и убивали сегодня, и только поэтому мы выжили.

– Озверевшие от голода собаки – это одно. Но такие же, как мы с тобой, люди – это совсем другое, – не согласилась Лиза, усаживаясь вместе со мной ужинать за стол.

В свою жилую комнату, являвшуюся одновременно и рабочим кабинетом, без спроса я позволял заходить только Лизе Святовой. Она единственная знала шестизначный код от массивной входной двери, только она могла в любое время суток прийти ко мне за советом или просто поговорить. Лиза этим правом беззастенчиво пользовалась, но я всегда был рад её обществу – лидер девушек оставалась одной из очень и очень немногих, кого я без колебаний мог назвать своим другом. Остальные обитатели Полигона постепенно дистанцировались и считали меня прежде всего начальником, руководителем, лидером, а уж только потом кем-то другим.

Обстановка в моей комнате была спартанская – стол, стулья, шкаф и железная кровать в дальнем от вентиляционной решётки углу. Первое, на что обращал внимание любой входящий в кабинет посетитель – громадная политическая карта мира на всю стену с уже несуществующими странами. В центре комнаты стояли шесть стульев вокруг большого овального многофункционального стола – это и место совещаний с руководителями групп, и место горячих философских дискуссий о будущем Полигона, и как сейчас просто обеденный стол.

Большая яркая лампа над столом. Вешалка для верхней одежды у входа. Небольшая тумбочка с личными вещами в углу. Вот, пожалуй, и вся обстановка в кабинете руководителя Полигона. Днём часто дверь в комнату оставалась открытой, так что любой спустившийся на третий подземный уровень мог своими глазами увидеть всю обстановку.

Правда, имелась одна вещь, которую нельзя было разглядеть из коридора, и даже вошедшему она не сразу бросалась в глаза. Это была маленькая треугольная полочка в углу с горящим крохотным огоньком маленькой лампадки. Рядом на стене в свете огонька виднелась небольшая слегка помятая фотография – три десятка маленьких девочек семи-восемью лет в школьной форме интерната вместе со своей учительницей. За прошедшие годы почти половину девушек с фотографии удочерили приёмные родители, и поэтому я их не встретил в том разбитом автобусе. Некоторые девчонки, наоборот, попали в интернат позже, и потому их не оказалось на этой старой фотографии. Но некоторых девушек и сейчас можно было легко узнать – Иванову Лену, например, или Свету Камышеву. Галя Громова стояла третьей слева во втором ряду.

Эту фотографию мне подарила Настя Иванова, прихватившая её из интерната вместе со своими личными вещами. Случилось это на третий день пребывания на Полигоне, когда нам удалось-таки вскрыть заваренную входную дверь в подземный бункер. Мы тогда с группой девушек шли вниз в темноту, освещая фонарями дорогу и исследуя незнакомые коридоры и лестницы. И именно в тот момент Настя вдруг заметила в свете фонаря, что виски у меня поседели. Я тогда даже не поверил, но остальные девчонки тут же подтвердили слова одноклассницы. Всё веселье и разговоры тогда разом прекратились, дальше все шли в полной тишине. А затем, когда мы поднялись на поверхность, Настя сразу же подарила мне эту фотографию – единственное сохранившееся изображение Гали Громовой. Сейчас эта старая фотография стала для меня самой ценной реликвией на планете. Я сам ежедневно доливал в лампадку керосин, заменявший давно закончившееся масло. Три месяца я поддерживал постоянное горение огонька пламени, освещавшего лицо любимой девушки.

После прошедшего в полном молчании ужина я поблагодарил Лизу за компанию и первым делом долил ещё керосина в лампадку. Лиза молча собрала грязные тарелки в корзинку, взяла свои костыли, подхватила грязную посуду и направилась к выходу. Кошка моментально прыгнула со стула и последовала за хозяйкой. Гипс у Лизы давно сняли, однако наступать на больную ногу Лиза до сих пор не могла, а потому пользовалась костылями. Все чётко знали, что помогать ей ни в коем случае нельзя – Лиза серьёзно обижалась, если в бытовых мелочах ей намекали на неполноценность из-за подволакиваемой ноги. Я попрощался со своей подругой и пожелал ей спокойной ночи. Уже в дверях девушка остановилась и с горькой улыбкой сказала:

– Да какой тут сон... Задал ты мне пищу для размышлений. Чувствую, что до утра не усну теперь. Всю жизнь я была твёрдо уверена в том, что зло и жестокость – это плохо, а я нахожусь на стороне добра и справедливости. Ты же говоришь, что зло и жестокость неизбежны в нашем мире, а потому выбор сейчас – меняйся или умри.

– Нет, я не так говорил, – поправил я свою подругу. – Просто добро не сможет оставаться добром, если не имеет силы для своей защиты. Я много читал в последние недели, и среди принесённой на Полигон литературы мне попалось любопытное стихотворение Станислава Куняева. Я готов подписаться под строками этого поэта: «Добро должно быть с кулаками. Добро суровым быть должно. Чтобы летела шерсть клоками со всех, кто лезет на добро».

– Это совсем другое дело, – усмехнулась Лиза. – В очередной раз тебе, Виктор, удалось меня удивить. Хорошо, веди завтра переговоры с позиции именно такого вот добра.

* * *

В УАЗе ехали трое. За рулём находился Сергей Воронов, на месте пассажира сидел я, сзади разместился капитан Колованов. Оружия никто из переговорщиков не взял, чтобы не нарушить объявленные «кимринскими» условия. Я сильно нервничал, хотя и старался не подавать виду. С тихой завистью я смотрел на железное спокойствие водителя – Сергей Воронов совершенно не волновался насчёт предстоящих переговоров и просто занимался своей работой.

Одноногий капитан, сегодня впервые после ранения покинувший пределы Полигона, находился даже в более мрачном настроении, чем обычно. Уже за первые несколько минут пути Колованов достал меня своими упрёками и жалобами. Вчера идея взять боевого капитана с собой показалась мне интересной, сегодня же я жалел о принятом решении. Однако менять что-либо было поздно – мы и так немного опаздывали на встречу, в сумерках свернув не туда на лесной дороге и не сразу поняв свою ошибку.

Заработала рация:

– Это Кристи. Три плюс четыре.

– Это Бестия. Подтверждаю. Три плюс четыре.

Я нахмурился. Сообщения означали, что «кимринские» нарушили условия переговоров, приведя с собой больше народу, чем договаривались. Будет семь человек с их стороны. Нехорошо. Ничего, у Полигона тоже имелись свои козыри в рукаве – две полные группы девушек ещё с утра отправились на место встречи и сейчас вели наблюдение. Капитан же не прекращал нить:

– Сегодня сразу двенадцать девушек без уважительных причин пропустили утреннее занятие на стадионе, я уже написал об этом официальный рапорт. Как раз группы Бестии и Кристины в полном составе прогуляли тренировку! Дай мне

свою рацию, я им выскажусь по поводу таких прогулов!

– Успокойся, капитан. Я эти две группы отправил со спецзаданием на весь день. А насчёт рации – это как табельное оружие, нельзя передавать другому. Рации положены только тем, кто работает за пределами периметра.

– А для твоей хромоногой подружки, получается, это правило не действует? Она ни разу не уходила с базы, однако имеет свою рацию! – обрадовался капитан возможности в очередной раз уколоть меня.

– Лиза Святова – координатор работы всех групп, ей необходимо быть всё время на связи. Капитан, я вообще не пойму, чем ты сейчас недоволен? Ты постоянно мне заявлял, что тебе нужно поручать более ответственные дела. Я прислушался к твоим словам и тебя, как самого опытного, взял на наши первые серьёзные переговоры с соседями. Если всё пройдёт нормально, на такие вылазки будешь отправляться часто, тогда и получишь свою рацию.

Капитан тихо матюгнулся и замолчал. Впереди уже показалось поле, на котором у сгоревшего танка виднелся какой-то навороченный джип с включёнными огнями. Сергей Воронов остановился и помигал фарами. В ответ джип тоже замигал огнями, из машины вылезло трое.

– Сергей, поверни машину в сторону танка и не выключай дальний свет. Да, именно так. Все выходим.

Мы вылезли из машины и медленно, чтобы капитан на деревянной ноге с костылём не отставал, направились вперёд. Когда подошли ближе, стало возможным разглядеть переговорщиков от соседей. Было трое крупных накачанных мужчин с короткими стрижками. В одном из них я узнал офицера, застрелившего часового.

– Пусть один наш человек подойдёт и обыщет вас на предмет оружия, – проговорил тот самый убийца. – Затем ваш человек сможет проверить нас.

Капитан Колованов, изображавший на переговорах старшего, согласно кивнул. К нам спортивной пружинящей походкой пошёл светловолосый парень. Он ловко и быстро обыскал меня и водителя, а потом остановился и уставился на одноногого капитана. На лице светловолосого крепыша отразилось удивление:

– А я ведь тебя знаю! Ты пару лет назад в Дубне на соревнованиях по самбо в день ВДВ в финале уступил нашему борцу.

– Было дело, – заулыбался Колованов. – Уж больно матёрый медведь мне тогда встретился в финале, руку из плечевого сустава вырвал. Николаем его звали, а вот фамилию забыл. Жив он?

– Он погиб в боях за санаторий «Радуга» на западном берегу Волги, когда нас артиллерия из Дубны накрыла. Жалко, хороший был командир. Сам-то ты где пострадал?

Колованов скривился от неприятных воспоминаний и ответил коротко:

– Мы в самом начале вторжения попытались сбить треугольный корабль.

Чужой боец удивлённо присвистнул и попросил Колованова развести руки в стороны, даже ту, которая придерживала костыль. Быстро проверил и обернулся к подошедшим ближе своим:

– Всё чисто.

Капитан Колованов от обыска собеседников отказался, сказав, что доверяет офицерам. Начались переговоры. Говорил только Сильвер, я и Сергей лишь стояли в стороне и изображали помощников одноногого капитана. Колованов быстро и по-деловому изложил собеседникам свою позицию: мы близкие соседи и уже три месяца живём в мире, поводов для конфликтов не имеется. А потому, как полномочный представитель Полигона, он предлагает объединиться – общая армия, общая внешняя политика, общая система оповещений об опасности, а также единое руководство, в которое войдут и представители Полигона. Сам Полигон ни в чём остро не нуждается – у обитателей в достаточном количестве имеется и вода, и еда, и топливо, и оружие, и всё остальное. Поэтому обитатели готовы поделиться необходимым с Кимрами и даже могут разместить у себя людей в количестве до пары сотен.

Трое переговорщиков «кимринских» внимательно выслушали предложение и отошли посоветоваться. Я тихо подтвердил Колованову, что тот действует правильно. Наше предложение выглядело разумным, а потому имелся весьма

хороший шанс, что собеседники согласятся. Тем временем трое «кимринских» пришли к какому-то единому решению и вернулись.

– Есть два момента, – заговорил убийца часового, оказавшийся старшим в группе. – Первый: вы вторглись на нашу законную территорию на восточном берегу Волги и убили наш патруль. Отпираться бесполезно – наши люди не вышли на связь, а посланная группа поисковиков видела, как ваши люди угоняли принадлежащий пропавшей группе грузовой «Вольво».

– Мы не убивали ваших людей, – прервал я собеседника. – Брошенный «Вольво» моя группа вчера обнаружила в Головино...

– Молчать! – заорал разом взбесившийся офицер. – Никто и никогда не смеет меня перебивать! В любом случае, даже если вы и не причастны к убийству, вы заплатите за кражу нашей машины. Второй момент: о чём с вами вообще говорить? У вас же людей раз, два и обчёлся! Никого нет, даже на задания вы направляете школьниц, а на важнейшие переговоры прислали полторы калеки. Поэтому я не вижу смысла торговаться с вами и что-то предлагать, когда мы можем получить всё и сразу. Я направлю на вашу базу отряд, который проверит состояние дел и проведёт инспекцию. В ваших же личных интересах, чтобы с моими людьми не случилось никаких инцидентов. Чтобы гарантировать спокойствие при передаче имущества, вы трое поедете с нами.

Он взмахнул рукой над головой, и со стороны танка вышло трое вооружённых автоматами людей. Собиравшийся было сопротивляться захвату и даже вставший в боевую стойку одноногий капитан бессильно опустил руки. Сергей Воронов тоже растерялся и даже испугался, быстро подняв руки вверх. Я же в это время искал глазами ещё одного, седьмого противника. Но того не было видно.

– Ваши люди не смогут пройти на Полигон, – спокойно сказал я. – Их просто перебьёт охрана периметра.

– Может быть. Поэтому ты сейчас возьмишь рацию и скажешь своим командирам, чтобы они не рыпались и сложили оружие, – злобно зарычал офицер. – Какой твой позывной, кстати?

– Мой позывной «Волчонок», – соврал я. – Рацию мне только сегодня на переговоры дали, обычно рации только у командиров групп.

– Так вот, Волчонок, ты сейчас нажмёшь вот на эту кнопочку и сообщишь своим командирам, чтоб они беспрепятственно впустили отряд внутрь базы, иначе мы пришлём им ваши головы. Думаешь, мы совсем лохи и не собирали про вас информацию?! Мы даже знаем всех ваших начальников по позывным: «Константа», «Сумасшедшая» и «Фурия». Вот им и передай сообщение.

В это время Сергею Воронову уже свели руки за спину и сковали наручниками. Противники несколько замешкали с одноногим капитаном – ведь если ему сковать руки за спиной, то он не сможет идти, а нести такую тушу никому не хотелось. Поэтому офицер призывно махнул рукой, после чего вдали включила фары и завелась стоявшая до этого невидимой в темноте машина. Ещё один джип, который подъехал, чтобы принять пленных. Водитель открыл дверцу и стал помогать заталкивать упирающегося капитана в салон. Вот и последний противник.

– Долго ты ещё будешь ждать?! Связывайся быстрее со своими! – прикрикнул на меня нервный офицер.

Я взял рацию, стараясь скрыть нервную усмешку. Посмотрел на тёмный лес справа и отошёл на шаг в сторону, чтобы не загоразживать чужого офицера. Значит, так тому и быть...

– Фурия, переговоры провалились. «Кимринские» нарушили условия переговоров и напали на нас, – спокойно и даже несколько равнодушно произнёс я.

– Это Фурия. Поняла тебя. Бестия, Кристи, вы знаете что делать.

Залп прозвучал синхронно. Я не спеша обернулся. Семь трупов. Все враги поражены прямо в головы. Хотя с тридцати метров только слепой не попадёт, но всё равно молодцы девчонки. Я взял рацию и, прекрасно зная, что противник нас слушает, проговорил уверенно и твёрдо:

– Говорит руководитель Полигона. Это сообщение для руководства посёлка Кимры. Вы нарушили законы дипломатии и подло напали на наших представителей во время переговоров. Тем самым вы объявили нам войну. Что

же, это ваше решение. Мы вышлем вам головы ваших людей. Я даю вам три дня на то, чтобы вы убрались с восточного берега Волги. Все, кто останутся на восточном берегу, будут нами уничтожены. Конец связи.

Полигон. Первые залпы войны

Из темноты леса на освещённую поляну вышли девушки. Выглядели они бесформенными и рыже-жёлтыми из-за обильно пришитых к костюмам осенних листьев, такие же листья обильно украшали шлемы девушек. Я испугался, что при виде убитых ими мертвецов девчонки начнут сожалеть или даже плакать, но реакция оказалась совсем иной. Маленькая Бестия, повернув носком ботинка голову мёртвого офицера, восторженно произнесла:

- Видели, как я его прямо в висок с одного выстрела уложила!

Реакция остальных девушек оказалась примерно такой же – никакого сожаления, никаких истерик, только удовлетворение и восторг. Это дало повод мне серьёзно задуматься – кто вырастет из этих девчонок? Уже сейчас они убивают без малейшей жалости и сомнения. А какими они станут через год? Особенно меня поразил вопрос той же Бестии:

- Головы мертвецам уже можно отрезать?

- Зачем? – не понял я.

- Ты же сам пообещал, что пришлешь головы в Кимры! – искренне удивилась рыжая девчонка.

Я опешил. Ну да, я действительно произнёс такое в запале после пережитого стресса. Но вообще-то сказал я это фигурально, не собираясь воплощать в реальности. Девушки же выжидательно смотрели на меня. Не было никакого сомнения, что если бы руководитель приказал им резать головы, они кинулись бы выполнять.

– Мы останемся людьми и не опустимся до подобной дикости. Но всё оружие собрать, бронезилеты и сапоги с трупов снять. Кристи, ты поведёшь третью машину.

– Попробую, – не слишком уверенно ответила девушка.

Вообще-то Кристина ещё только училась вождению на Полигоне под присмотром Сергея Воронова. Однако одно дело кататься с инструктором по ровной площадке, и совсем другое поехать ночью по лесной ухабистой дороге на незнакомой машине. Но оставлять хороший внедорожник было глупо, поэтому я попросил капитана поехать с Кристи и помочь при необходимости советом. Но одноногий военный неожиданно упёрся и отказался. Он желал ехать именно со мной. Не успели мы они отъехать от поляны, как Колованов накинулся на меня с упрёками:

– Ты заранее знал, что всё так будет! Ты ведь ещё утром приказал девчонкам отправляться сюда в нарушение всех договорённостей!

– Я не знал, чем закончатся переговоры, просто решил подстраховаться, – усмехнулся я.

Сидящая на заднем сиденье УАЗа и пьющая из термоса горячий чай Бестия уточнила:

– Мы с раннего утра ещё до восхода солнца пришли на место и готовились. Копали укрытия, проверяли маскировку, затем перешивали листья – на Полигоне мы ведь пришили кленовые, а тут поблизости ни одного клёна не оказалось, поэтому стрелки оказались слишком заметными. Потом полдня мокли тут под дождём и мёрзли на холодной земле. Хорошо, что всё это оказалось не напрасным!

Но капитан Колованов так не считал. Он ругался, что его выставили в качестве подсадной утки, которая своим кряканьем лишь отвлекала внимание от реальной операции. Кричал, что его заставили рисковать собственной жизнью, даже не предупредив о реальном положении вещей. Переубедить его так и не удалось. Хлопнув напоследок изо всех сил дверью автомобиля, капитан поковылял к своему жилищу.

Жил он отдельно от всех в здании бывшей офицерской казармы, хотя ему неоднократно предлагали переселиться к остальным. Но в этом вопросе, как и во множестве других, Колованов также показывал своё упрямство и жил отшельником отдельно от всех. Лишь врач Татьяна Хмельницкая регулярно навещала одноногого военного в его жилище и периодически наводила там порядок. Ходили слухи, будто Татьяна даже собиралась переселиться в комнату Петра Колованова, но подтверждения этому не было.

В любом случае у меня имелись сейчас дела и поважнее, чем успокаивать бывшего военного или разбираться с его личной жизнью – Полигону объявили войну! Это важное событие требовало экстренного сбора всех руководителей групп. Требовалось обдумать и согласовать стратегию обороны огромного Полигона от возможных атак, реально оценить имеющиеся ресурсы и военные силы, а также методы возможного усиления.

При входе в бункер с удивлением я обнаружил новую сколоченную из досок пристройку возле жилого корпуса. Подошёл ближе и невольно заулыбался – самый настоящий курятник! Огороженная мелкой железной сеткой и крытая сверху большая клетка, слой опилок и кормушки на полу, насест. Но главное – внутри клетки сидел тощий и какой-то ошипанный рыжий петух с остатками перьев вместо хвоста и сразу четыре курицы. В современных реалиях это было просто сокровище!

В птичнике возилась Настя Молчанова с висящей на перевязи рукой. Она с гордостью указала на птиц и сообщила, что в Головано остались ещё куры, но переловить их пока не удалось. Настя выразила надежду, что охота на оставшихся птиц продолжится завтра, но мне пришлось расстроить девушку и сказать, что рейсов в Голованово больше не будет, так как началась война с Кимрами.

Лиза вполне ожидаемо находилась в моей комнате. Ужин оказался давно готов, накрытые тарелки стояли на подносе на тумбочке. Но мне было пока не до еды. Я попросил свою подругу отложить ужин и вызвать в кабинет всех руководителей групп. Сам же снял и повесил на вешалку куртку и находившийся под ней лёгкий бронежилет, сменил грязные ботинки на лёгкие кроссовки, достал и расстелил на столе карту местности.

На совещание звали и капитана Колованова, как наиболее опытного в военных вопросах, но тот всё ещё демонстративно дулся после неудачных переговоров и

отказался приходить, сославшись на неудачное место совещания. В его словах имелась доля правды – Сильверу, действительно, было неудобно спускаться по крутым лестницам под землю. Но когда я предложил провести совет прямо в комнате одноногого капитана, сразу выяснилось, что крутые лестницы были лишь предлогом, так как военный всё равно отказался.

Совещание затянулось глубоко за полночь. Даже без участия капитана разумных предложений было выдвинуто немало, но все они имели какие-либо недостатки. Пришлось честно признать, что удерживать всю огромную территорию Полигона имеющимися силами совершенно нереально – в любом месте многокилометрового периметра противник мог незаметно сконцентрировать силы, прорезать заграждение из колючей проволоки, перебраться через второй забор и проникнуть внутрь охраняемой территории. Поэтому первоочередной и архиважной задачей становилось своевременное обнаружение любых идущих со стороны посёлка Кимры диверсионно-разведывательных отрядов. Именно в этом направлении и шло обсуждение – требовалось оперативно начать строительство системы надёжных укрытий для дозорных, оберегающих не только от обнаружения «кимринскими», но и от атаки с воздуха – листьев ведь на деревьях почти не осталось, и летающий охотник мог легко обнаружить людей в просматриваемом лесу. Также постановили из наиболее подготовленных групп создать мобильный отряд для отражения нападения. Кроме того, обсуждался вопрос нейтрализации вражеской бронетехники, если таковая двинется к Полигону.

С техникой вопрос оказался самым сложным. Дорога через лес на большом своём протяжении была одной-единственной. Имелись бы мины, противотанковые или пехотные, и дорогу удалось бы перекрыть. Но мин на складах Полигона не обнаружилось никаких, даже сигнальных. Константин Иванович предложил перегородить дорогу в узком месте глубоким и широким рвом, и пока это виделось самым простым и эффективным решением. Сдерживать же прорвавшуюся дальше бронетехнику предполагалось только имеющимися в наличии ручными противотанковыми гранатомётами. Их было всего три, хотя гранат к ним имелось предостаточно.

По поводу же собственной техники дела обстояли по-прежнему печально. На Полигоне ржавело полсотни единиц танков и другой техники, но для применения весь этот металлолом не годился. У двух-трёх танков, несмотря на их раскуроченный жуткий вид, сами орудия находились в относительно исправном состоянии. Другие были не столь безнадёжными в плане моторов. В

общем, имейся в запасе неограниченно много людей и времени, может и получилось бы что-либо собрать, хотя тут требовались предварительные испытания – насколько ржавевшая три десятилетия техника вообще готова к стрельбе. Из более реального – Сергей Воронов обещал починить-таки БМП-2, но сроков опять не назвал. В общем, рассчитывать на собственную бронетехнику не приходилось.

* * *

Разбудила меня заработавшая рация. Кровавая Мэри говорила что-то про Кимры. Я не сразу проснулся и пропустил начало послания, поэтому попросил Машу Гаврилову повторить сообщение.

– Это Кровавая Мэри. Повторяю. По мосту через Волгу несколько минут назад в восточную часть города проехали два военных КамАЗа, прицепом к ним были две пушки.

Я посмотрел на часы. Начало пятого. Глянул на расписание на стене. Кроме группы Маши Гавриловой все находились на Полигоне. Быстро одевшись, по коридору побежал к лестнице, ведущей на самый нижний четвёртый этаж бункера. Тут было сыро, и никто не жил. Из-за отсыревших стен и слоя воды на полу даже под склады использовать эти помещения пока что не представлялось возможным. Но зато именно здесь когда-то располагался основной командный пункт. Хотя аппаратура по большей части была давно вывезена или разбита, но кое-что тут всё же работало.

Я включил сирену. По подземным коридорам раздался мерзкий вой, на поверхности завывали динамики на столбах у корпусов и возле диспетчерской. Взяв микрофон, я объявил:

– Всем обитателям Полигона, боевая тревога! Находящимся на поверхности сотрудникам немедленно укрыться в бункере. Командирам групп – проверить наличие всех своих подчинённых в убежище. Константа, проследить за эвакуацией всех детей. Дозорным в диспетчерской тоже немедленно укрыться. Повторяю, боевая тревога!

Прошло минут десять, прежде чем спустившийся вниз Константин Иванович объявил, что все обитатели находятся в укрытии, кроме группы Кровавой Мэри. Даже одноногий Сильвер на этот раз не стал упираться и спустился вниз.

Я поднялся на первый подземный уровень, где сейчас собралась основная часть обитателей. Как руководитель Полигона хотел объяснить присутствующим причины тревоги, но не успел – земля слегка содрогнулась, мигнул свет. Звук разрыва снаряда с такой глубины показался совсем не страшным. Но за ним последовал ещё один взрыв, потом ещё и ещё. Обстрел длился минут сорок, после чего разрывы прекратились.

Подождав для верности ещё пятнадцать минут, я первым выбрался на поверхность. Всё вокруг оказалось на удивление целым. Лишь направленная к дальней части взлётно-посадочной полосы девушка вернулась с сообщением, что в той стороне множество свежих воронок от разрывов. Разрушений, за исключением двух поваленных плит бетонного забора, обстрел не причинил, но многие обитатели оказались очень напуганными. Поэтому я отвёл в сторону от остальных Сергея Воронова и Славика Першина и объяснил задачу:

– Люди боятся. Поэтому мы должны продемонстрировать, что способны дать ответ. Мы просто обязаны ответить врагу на это нападение. Даже не столько причинить какой-либо вред, сколько хотя бы показать себе и противнику, что мы вовсе не подавлены. Как думаете, дострелит танковая пушка до «кимринских»? До них семь-восемь километров.

Славик задумчиво почесал затылок.

– Я в последние дни от корки до корки изучил хранящиеся инструкции к этим 125-миллиметровым гладкоствольным пушкам 2А46. По документам сказано, что дальность стрельбы десять километров, так что должно хватить. Только вот задача будет развернуть орудия в нужную сторону, машины-то не на ходу...

– С этим мы справимся, – успокоил всех Сергей. – Хотя потребуется какое-то время.

– У вас два часа на подготовку. Берите столько людей и техники, сколько потребуется.

В половине восьмого раздался первый ответный выстрел. Осколочно-фугасный снаряд ушёл в сторону посёлка Кимры. Корректировавшая стрельбу Кровавая Мэри сообщила, что снаряд упал в Волгу метров за двести севернее моста. Я приказал чуть уменьшить угол наклона орудия и сделать ещё два выстрела. Оба снаряда разорвались на восточном берегу неподалёку от моста. За следующий час Полигон сделал тридцать выстрелов. Последние осколочно-фугасные снаряды легли исключительно удачно, разметав баррикаду при въезде в Кимры и обрушив какое-то здание, в котором засели противники.

Я дал «кимринским» время на то, чтобы прийти в себя, и приказал приступать к завтраку и повседневным делам. Примерно через полтора часа корректировщица сообщила, что противники вылезли из укрытий и растаскивают обломки на дороге. Тогда танк дал ещё три выстрела. К сожалению, не попал, но зато после этого до самого полудня никакого движения в Кимрах не наблюдалось. А в полдень в рации раздался чужой незнакомый голос:

– Вот что, соседи. Если уж мы враги, давайте хотя бы с вами познакомимся. А то даже как-то неприлично воевать незнамо с кем.

– С кем имею честь общаться? – спросила стоявшая рядом со мной Лиза Святова, донельзя удивлённая, но старающаяся выглядеть уверенно.

– Говорит комендант восточного побережья волжского военного округа. Зовут меня Череп Виктор Юрьевич. Вы должны меня знать – это я писал вам ответ на предложение переговоров. Теперь ваша очередь представляться.

Я указал на себя стоящим рядом коллегам и показал руками крест-накрест. Мол, я пас, меня не называйте. Константин Иванович кивнул и взял инициативу в свои руки.

– Говорит руководитель обеспечения Полигона. Зовут меня Крутов Константин Иванович. Я же «Константа». Рядом со мной «Фурия», координатор специальных операций.

– Хорошо, Константа. Давай с тобой поговорим, как разумные люди. Я совершенно не знаю, почему мой дипломат напал на вас во время переговоров, поэтому мне непонятны причины этой войны. Пойми, я вас совершенно не боюсь,

так как подавляющее преимущество на моей стороне. Но и воевать просто так непонятно ради чего мне тоже как-то кажется странным. Я сам военный офицер и неоднократно бывал на вашем полигоне в прошлые годы, поэтому хорошо представляю, что и где там расположено. Вы наверняка уже обратили внимание, что все наши снаряды были направлены на конец аэродрома, где нет ни построек, ни техники. Мы не хотели ненужных жертв, это было просто демонстрацией силы. Если бы нам действительно требовалось, то не две, а двадцать две пушки обработали бы вашу территорию так, что ни одного ангара и ни одного здания у вас бы уже не осталось. Ответного огня я, честно говоря, не ожидал. К счастью, ваши артиллеристы оказались криворукими. Но я всё равно оценил ваш ответ, поэтому делаю новое предложение: попробуем вернуться на день назад. Я сейчас отведу артиллерию за Волгу. Вы же прекращаете обстрел и убираете вашу корректировщицу. Да, мы уже вычислили её место. Мне просто по-человечески жалко молодую девчонку, которая сидит сейчас на вышке сотовой связи в Титово. Только из-за её юного возраста мои снайперы не стреляют по ней, хотя снять корректировщицу совсем легко. Вот прямо сейчас мой снайпер держит её голову в перекрестье прицела. И у вас, и у нас есть множество других дел, кроме как воевать друг с другом. Ну что, договорились?

– Договорились, – моментально ответила Лиза. – Кровавая Мэри, возвращайся на Полигон.

– Завтра я скажу, куда вернуть три наши машины и оружие, а также сообщу, какой должна быть компенсация за моих убитых людей. После этого будем считать конфликт улаженным.

После этого Череп отключился. Общение с противником оставило тяжкий осадок у всех. Стоящие рядом подчинённые молчали и переглядывались между собой. Каждый понимал, насколько соседи превосходят Полигон в военной мощи, раз уж «кимринские» даже не восприняли вчерашнее официальное объявление войны всерьёз и сегодня лишь играли в войну.

– Возвращайтесь к работе, – сказал я. – Пока ничего не изменилось, мы ещё в состоянии войны. И нам уже к вечеру нужны секреты и укрытия для разведчиков за периметром, а также перегораживающий ров через дорогу в лесу.

Когда все собравшиеся разошлись, Лиза Святова попросила меня прокомментировать последние события. Я посмотрел на свою помощницу и

сказал честно:

– Мы не можем согласиться на эти требования. Они пытаются навязать нам унижительные условия капитуляции, как если бы мы проиграли войну. Но мы ведь не проиграли. Поэтому никакой компенсации им не будет.

Лиза посмотрела на меня долгим оценивающим взглядом я и сказала:

– Ты же понимаешь, что все мои девушки не стоят и пары опытных бойцов. В случае действительно серьёзной войны нас просто сомнут. Но я всё же соглашусь с твоими словами – если Полигон сейчас прогнётся, никто уже не будет считаться с нами. Лучше уж война, чем заранее соглашаться на поражение. Надеюсь, ты не ошибся.

* * *

Я стоял в своей комнате за столом с картой, нанося тонким карандашом места построенных сегодня в лесу укрытий. Просёлочную дорогу через лес тоже уже пересекала линия, обозначающая выкопанный днём защитный ров. В углу на стуле молчаливой тенью сидела Лиза. Девушка была напряжена и молчала уже второй час. Молчала с тех пор, как я объявил обитателям Полигона, что компенсации «кимринским» не будет, и война продолжится.

В коридоре со стороны лестницы раздался топот множества ног. На этом этаже имелись лишь склады и моя комната, все остальные обитатели жили на первом и втором подземных этажах. Шаги снаружи означали, эти поздние вечерние посетители шли толпой именно ко мне. Я посмотрел на Лизу, та в ответ кивнула и кисло улыбнулась. Намечался бунт.

Первым в комнату, опираясь на костыль, вошёл капитан Колованов. Следом за ним в помещение просочились девушки группы Кристины, а также Татьяна Хмельницкая, Славик Першин и Константин Иванович. У капитана на поясе висела кобура с пистолетом, у других посетителей в руках имелись автоматы. Сильвер закрыл за последним вошедшим тяжелую дверь, отсекая комнату от всего остального подземелья.

– Одноногий Сильвер принёс мне чёрную метку? – усмехнулся я, стараясь выглядеть уверенным и спокойным.

– Вот что, Виктор, ты низложен с поста руководителя Полигона за некомпетентность! – громко объявил одноногий капитан, не обращая внимания на подначку. – Комитет, избранный из самых авторитетных граждан нашего Полигона, назначит нового руководителя. Ты волен остаться или покинуть территорию Полигона, никто тебя насильно удерживать не собирается.

Наступило молчание. Первой заговорила Лиза Святова, при этом демонстративно беспечно ровняя свои ногти косметической пилочкой.

– Сильвер, вот давай просто на миг представь, что Виктор послушается тебя и уйдёт. Скажи мне, что дальше случится?

Капитан задумался на пару секунд и твёрдо сказал:

– Будет только лучше. Выбранный новый руководитель договорится с Кимрами и остановит ненужную войну. Учитывая твой авторитет среди девушек, не исключаю, что этим новым руководителем можешь стать ты.

– Какой ты, оказывается, наивный... – Лиза рассмеялась. – Если Виктор уйдёт, я уйду вместе с ним. Вместе со мной уйдут все до единой ученицы интерната, а также многие из лояльных Виктору обитателей. Ты реально хочешь остаться на Полигоне всего лишь в компании двух-трёх человек? Могу тебе сказать, что тогда Кимры не станут с тобой разговаривать и возьмут всё силой.

Капитан лишь усмехнулся в ответ и указал рукой на собравшихся вокруг него людей.

– Как видишь, далеко не все девушки хотят тебе подчиняться, Елизавета. Как и многие обитатели Полигона никуда не уйдут, а останутся тут и будут сотрудничать с любым новым руководителем.

– Разве? – снова усмехнулась Лиза. – А ты не думал, капитан, что это я лично попросила всех этих людей составить тебе компанию? Ладно, прекратим этот бессмысленный цирк. Кристи, Константа, вы знаете, что нужно делать.

Девушки отошли в сторону, уходя с линии возможного огня, развернулись и направили на Колованова автоматы. Константин Иванович вынул из кобуры опешившего капитана пистолет и тоже отошёл в сторону. Славик, сперва замешкавшись на пару секунд, всё же тоже принял правильное решение и отошёл к стене. Возле одноногого капитана осталась только врач Татьяна Хмельницкая. Я попросил Славика открыть входную дверь, взял рацию и произнёс:

- Бунт успешно подавлен. Мы открываем дверь.

Тяжёлая дверь бесшумно отворилась. В коридоре с оружием наизготовку стояли практически все обитатели Полигона – три полных группы девушек, кроме оставшихся охранять Полигон дозорных, а также три десятка человек из команды Константина Ивановича – из тех, кто присоединился за последние месяцы. Все они были вооружены и настроены весьма решительно. Одноногий капитан тяжело обернулся и посмотрел на всё это воинство. Хмурое молчание собравшихся не предвещало ему ничего хорошего.

- Танька, дай мне свой пистолет! – неожиданно потребовал он.

Татьяна Хмельницкая быстро достала из кармана и протянула ему оружие, никто из собравшихся не успел ей помешать. Одноногий капитан, зыряка единственным глазом, с грустной улыбкой осмотрелся кругом, но везде встречал лишь направленные на него со всех сторон стволы. Колованов прекрасно понимал, что не успеет выстрелить в меня – его моментально изрешетят пулями, едва он попытается направить оружие на руководителя Полигона. Но Сильвер и не собирался убивать меня. Капитан поднял пистолет и приставил оружие себе к виску, напоследок закрыв здоровый глаз...

- Капитан, не торопись, – спокойно произнёс я.

Колованов снова открыл единственный глаз и обернулся ко мне.

- Чего тебе ещё? – буркнул он недовольно.

- Видишь ли, капитан, стреляться холостыми патронами – это больно и непрактично. Убить себя ты не сможешь, а вот травму нанесёшь. Неужели ты считаешь, что Татьяна Хмельницкая, три месяца отказывавшаяся брать в руки

оружие и сегодня на ночь глядя вдруг потребовавшая у дежурного по арсеналу выдать ей пистолет, не вызвала подозрений? В дополнение с поступавшими со всех сторон сообщениями о готовящейся попытке вооруженного путча это смотрелось более чем странно...

Капитан медленно опустил руку с пистолетом. Подошедшая Кристина тихо без какого-либо сопротивления вынула оружие из сильной лапы капитана и положила на стол. Подвинула одноногому Сильверу стул, на который капитан тяжело опустился.

– Хорошо, ты победил, – согласился Колованов, глядя на меня. – Что дальше?

Я повернулся к собравшимся, поблагодарил за поддержку и попросил расходиться по своим комнатам. Через минуту в опустевшей комнате остался только я с одноногим капитаном и Лиза, по-прежнему сидевшая на стуле в углу. Вообще-то на этот раз я действительно хотел поговорить с глазу на глаз с Коловановым вообще без свидетелей. Но Лиза намёки упорно не понимала. Когда же я встал из-за стола и тихим голосом попросил её тоже покинуть комнату, Лиза в ответ лишь демонстративно отвернулась в сторону. От безысходности я махнул рукой – ну не тащить же свою подругу из комнаты силой? Я вернулся обратно к столу.

– Капитан, я хочу поговорить с тобой откровенно, с глазу на глаз. Наверное, мне давно следовало так поступить, тогда бы и не произошло этого неприятного инцидента. Мне давно надоело быть лидером и всё время нести на себе бремя ответственности за окружающих. Если ты думаешь, что я цепляюсь за власть, ты сильно ошибаешься, мне это и даром не нужно. Но люди пошли за мной, они мне искренне верят, и я не могу просто так всё бросить и предать доверившихся мне людей. Ты недоволен моим решением насчёт войны, так?

– Да, так, – подтвердил капитан. – Я недоволен этим и другими твоими решениями.

– Хорошо, Пётр. Если ты уверен, что знаешь лучшие решения стоящих перед нами проблем, я могу передать власть тебе. Я не хотел, чтобы ты глупо застрелился – твои знания и способности в любом случае нужны обитателям Полигона, оставайся ты моим помощником или стань новым лидером. Ты можешь прямо сейчас взять эту власть, как и хотел сегодня, когда поднял бунт. Вон

лежит пистолет Татьяны на столе. Я обманул тебя, там совершенно нормальные боевые патроны.

Лиза тут же прекратила созерцать серую стену и делать вид, что происходящее её совершенно не касается. Девушка повернулась к столу и убрала правую руку в карман. Эти приготовления не прошли незамеченными ни для меня, ни для одноногого Сильвера. Капитан нарочито медленно потянулся к столу и взял оружие. Отщелкнул обойму и осмотрел первый патрон. Вставил обратно обойму, поставил пистолет на предохранитель и убрал оружие в кобуру. Несмотря на демонстративно показное спокойствие, я тихо выдохнул. Да, скользкий был момент.

Одноногий капитан помолчал немного и проговорил с досадой в голосе:

– Сегодня мне весьма наглядно показали, что люди за мной не пойдут. Не буду тешить себя и идеей перевыборов – ты заведомо победишь любого другого кандидата. Значит, ты остаешься правителем Полигона. Но объясни мне – почему война?! Кимринские сильны и многочисленны, среди них множество кадровых военных. Почему ты не пошёл на сделку с Кимрами?

– Потому, что я им несколько не верю, – ответил я. – Они уже сейчас не собираются с нами считаться и запросто нарушают договоры. А позвошь мы вытереть собой пол и отдав им обратно честно завоёванные трофеи, в их глазах мы опустимся просто ниже плинтуса. С их стороны это была просто военная хитрость – если можно получить у противника что-то за «просто так», почему бы не воспользоваться шансом?

– Четыре, – коротко сказала рация на столе.

Я повернулся на звук, затем опять развернулся к капитану и спросил:

– Как ты думаешь, капитан, чем заняты «кимринские» в настоящий момент?

Сильвер растерянно пожал плечами, не зная ответа. Не дождавшись никаких предположений от одноногого, я ответил сам:

– В настоящее время пеший вооружённый отряд в количестве сорока бойцов идёт из посёлка Кимры в сторону Полигона. Двигутся они осторожно и медленно, впереди идёт разведка. Отряд идёт не по дороге, а прямо по лесу – видимо, опасаются заложенных мин. Этим головорезам осталось пройти до нашего бункера всего лишь четыре километра, примерно через час они будут на Полигоне. Как видишь, капитан, нам вовсе не собирались давать время на размышление до завтрашнего дня. Они успокоили нас по радиации, заставили убрать наших наблюдателей и теперь идут, чтобы вырезать нас ночью спящими.

– Давно ты об этом знаешь? – поинтересовался одноногий капитан.

– Уже примерно два часа наши девушки ведут их от самого посёлка. Как только мы их обнаружили, я сразу же сообщил всем на Полигоне, что сделки с Кимрами не будет.

– То есть во время моего... выступления... ты всё время знал, что к нашему дому приближаются враги? И при этом молчал? – поразился Колованов.

Я спокойно кивнул, подтверждая очевидное. Дав некоторое время капитану, чтобы тот переварил услышанное, я спросил:

– Так ты с нами, капитан? Колованов, я думал поручить тебе внутреннюю оборону Полигона. Нужно организовать бойцов, дать им распоряжения, указать удобные огневые позиции и всё такое.

– А ты сам что, спрячешься в бункере? – ехидно поинтересовался бывший военный.

Я молча подошёл к вешалке, снял куртку защитного цвета и бронежилет. Обернулся и ответил:

– Дурак ты, капитан... Врагов же четыре десятка! Среди них, как ты сам только что говорил, множество кадровых военных. Это слишком много для наших девушек. Если дать всем сорока врагам прорваться через периметр, среди наших защитников будут большие жертвы. Поэтому я попробую нейтрализовать как можно больше противников ещё на дальних подходах к Полигону. Если что, прощай, капитан. Береги наших девушек и прости меня, если чем-то не угодил.

В углу зарыдала Лиза, отвернувшись к холодной серой стене.

Полигон. Один против сорока

Самоубийцей я себя не считал и прекрасно отдавал себе отчёт в том, что у меня нет ни малейшего шанса в одиночку отразить атаку сорока солдат. Но идея существенно проредить состав противника напрашивалась, для этого нужно было вызвать на головы атакующих треугольного охотника. Главным тут была внезапность, чтобы у «кимринских» не было времени найти укрытия в облетевшем осеннем лесу.

Именно поэтому тревогу с сиренами на Полигоне не объявляли – за территорией могли наблюдать разведчики противника, способные предупредить своих солдат об угрозе. План мой выглядел достаточно простым – по моему сигналу в диспетчерской на аэродроме включат посадочные огни. Как показал недавний эксперимент, уже через минуту над Полигоном появятся треугольные корабли. Я же, как «кимринские» подойдут достаточно близко к моему укрытию, собирался запустить в небо сигнальную ракету, укрыться под землёй и переждать атаку с неба в надёжном убежище. Летящий охотник перебьёт какую-то часть наступающих врагов, а оставшихся встретит уже полностью готовый к бою гарнизон на Полигоне. В теории всё выглядело просто.

– Б-два, – произнесла рация.

Я тут же остановился. Почему «Б-два», а не «А-два» или просто «два»? Полученное сообщение означало, что отряд «кимринских» в данный момент наблюдался одной из девушек группы Бестии всего в двух километрах от жилых корпусов Полигона, причём отряд изменил направление и пошёл на восток прямо к стене. Я достал из планшета на боку сложенную карту. Всё плохо! Враги не пройдут рядом с системой укрытий, которую сегодня весь день рыли защитники Полигона. «Кимринские» решили пересечь стену гораздо севернее.

Весь мой план обороны рушился. Хотя... существовала ещё возможность перехватить врагов у самой стены, вот только для этого нужно было спешить – до места предполагаемого прорыва мне предстояло бежать около километра, в то время как врагам предстояло пройти вдвое меньшее расстояние. Я сверился с

компасом, закинул автомат за спину и побежал. Сейчас я старался не думать о том, что сам в данной ситуации сильно рискую – в той стороне я не знал никаких укрытий, и потому сам оказывался в том же уязвимом положении, что и враги. Сейчас главное было успеть, а не решать вопрос собственного спасения.

Я бежал по ночному лесу, шурша опавшими листьями. Неожиданно путь преградила колючая проволока. Что за чёрт, откуда она здесь? На пару секунд я растерялся, пока не догадался ещё раз свериться с компасом. Оказывается, слишком сильно отклонился на восток и упёрся в забор Полигона. Но зато теперь ориентироваться стало значительно проще – нужно всего лишь бежать вдоль забора из колючей проволоки.

– Точка полтора-запад, – проговорила рация голосом Бести.

Вот ведь чёрт! Враги уже у самой стены, раз Бестия видит их из своего расположенного где-то возле «колючки» укрытия. Днём я несколько раз видел этот старый пост, которым пользовались охранявшие периметр дозорные. Хорошо замаскированный наблюдательный пункт, кажется, возле разлапистых корней большого раздвоенного дерева. Это укрытие находилось уже где-то совсем-совсем рядом. Я побежал быстрее, на ходу проговорив в рацию:

– Башня, свет!

После этой команды на аэродроме Зариф должен был включить подсветку. Всё, теперь пошёл отсчёт. К светящейся видимой издалека полосе начали слетаться корабли пришельцев. С каждой секундой в лесу становилось всё опаснее – любой случайно пролетевший над этим участком леса треугольный корабль неминуемо обнаружил бы бегущего человека. Ну и где же это чёртово раздвоенное дерево? Секунды тикали, а укрытия впереди я всё не видел. У меня началась паника – неужели я неправильно рассчитал расстояние и проскочил укрытие? Или наоборот ещё сильно не добежал? В любом случае ошибка могла стать роковой. Ну почему же так темно, ведь в такой темени я рискую действительно не найти укрытие и погибнуть!

И тут внезапно я наткнулся на врагов. Возле самой стены из колючей проволоки возилось несколько тёмных фигур. Кажется, они разрезали проволоку. Я остановился буквально в десяти шагах от них. Секунду длилась немая сцена, после чего я развернулся и бросился бежать назад, доставая из кармана

цилиндр сигнальной ракеты. За спиной слышались крики, зажглись и заметались по лесу лучи фонарей. Но, кажется, враги меня потеряли в тёмном ночном лесу.

Я отбежал в лес подальше от забора и, взяв сигнальную ракету левой рукой, правой резко дёрнул шнур. Раздался резкий хлопок, и яркая красная ракета взмыла над лесом, озаряя землю странным кровавым отблеском. Всё, теперь пути назад уже не было. Теперь предстояло или укрыться, или погибнуть. Я посмотрел на листья под ногами – хорошо бы просто лечь и насыпать их на себя. Но тут меня осветил луч фонаря бегущего вооруженного человека. До противника оставалось всего метров тридцать, и это расстояние быстро сокращалось. Нечего было и думать о том, что враги позволят мне спокойно закапываться в листья. Меня быстрее просто-напросто убьют!

Я бросился в сторону в темноту, уходя из освещённой фонарём зоны. За спиной раздалась крики и автоматные выстрелы, пули застучали по деревьям.

– Виктор, сюда! – услышал я негромкий приглушённый голос откуда-то слева и, не задумываясь, мгновенно свернул в ту сторону.

Но я по-прежнему не видел укрытия! Я судорожно мотал головой из стороны в сторону, ища звавшего меня человека. И тут где-то позади с тёмного неба к земле ударил слепящий луч прожектора. Появился летающий охотник! Почти мгновенно раздался противный знакомый до дрожи звук «псссшшш». И, судя по второму появившемуся лучу прожектора, треугольный корабль прилетел не один. Похоже, это конец. Жить мне оставалось несколько секунд до тех пор, когда у беспощадных охотников дойдёт и до меня очередь. Я прыгнул к широкому стволу большого дерева, собираясь укрыться за ним от рыщущего по земле света.

– Виктор, да сюда же, скорее! – раздался шепчущий молодой женский голос буквально в паре шагов от моих ног.

И только тогда я увидел укрытие – возле самых корней дерева из-под присыпанной землёй и листьями крышки люка на меня смотрела Бестия. А между тем полоса яркого света быстро двигалась по тёмному лесу в мою сторону. Со всех ног я бросился к спасительному укрытию, заскользил по усыпанной листьями земле и ногами вперёд въехал в приоткрытую щель.

Провалился внутрь не совсем удачно, зацепившись ногой за что-то, а затем ещё упавшая тяжёлая деревянная крышка больно приложила по плечу и уху. Бестия тоже ойкнула, поправила крышку люка, и наступила полнейшая темнота.

– Ты мне, кажется, нос сломал своими сапогами! – простонала от боли девушка.

– Извини, – коротко буркнул я в ответ, сам едва не воя от боли в отбитом плече.

Сперва я решил, что сломал правую ключицу. Но боль постепенно проходила. Значит, не сломал, просто сильно ушиб об доски. А между тем на поверхности гроыхали автоматные очереди и взрывы чего-то мощного, среди этих звуков близкого боя отчётливо раздавались выстрелы летающих охотников. Через минуту всё стихло.

– У тебя есть спички? – поинтересовалась невидимая из-за темноты Бестия. – Мне нужно посмотреть, что у меня с лицом.

– У меня есть фонарик, но пока не стоит его включать. Если сейчас хоть малейший лучик света просочится наружу, мы с тобой превратимся в два трупа.

– Тогда хотя бы слезь с меня, мне тяжело! – попросила девушка.

Я снова извинился и попытался сдвинуться в сторону, однако это оказалось не так-то просто. Укрытие представляло собой узкую неглубокую нору, выкопанную меж корней дерева. Замаскированный вход прикрывался деревянной квадратной крышкой. Одиночный невидимый со стороны наблюдатель мог тут часами лежать на толстой мягкой подстилке из листьев, контролируя дорогу и широкий сектор леса. В общем, хорошее укрытие, вот только для двоих оно оказалось, мягко говоря, тесноватым.

Прошло минут двадцать, хотя может и целый час. Сказать точнее я не мог – было совсем темно, а лежащее на правой руке туловище девушки не позволяло видеть часы. Когда же я решил, что опасность миновала, сквозь щели в досках крышки вдруг просочились лучи света – летающий охотник исследовал прожектором этот участок леса. В этом холодном белом свете я разглядел лицо Бестии, обратив внимание на широкую ссадину на щеке, а также на засохшую кровь под носом на верхней губе. Девушка нисколько не преувеличивала – я заехал ей каблуками по лицу, когда запрыгивал в укрытие. А ещё я увидел глаза

своей соседки по укрытию – почему-то весёлые и искрящиеся. Бестия явно воспринимала эту смертельно опасную ситуацию как интересное приключение.

Свет ушёл, укрытие опять погрузилось во тьму. Мы лежали рядом и молчали. Чтобы хоть как-то разогнуть тишину, я проговорил:

– Бестия, я ведь только сейчас сообразил, что не знаю твоего имени. Знаю только фамилию и производное от неё прозвище.

– Неудивительно, – фыркнула в темноте девушка. – Я ненавижу данное мне имя и уже много лет не откликаюсь на него. Постепенно все мои подруги и даже учителя в школе-интернате поняли, что меня бесполезно звать по имени. Поэтому меня давно зовут только по фамилии или прозвищу.

Я заинтересовался – что это должно быть за имя, от которого его обладательницу воротит? Бестия не стала скрывать:

– Мать отказалась от меня и подкинула в детдом ещё в грудном возрасте. Вместе с младенцем она оставила документы на имя Некрасы Бестужевой. Ты можешь представить себе такое имя для девочки? Наверное, я была не только нежеланным, но и очень некрасивым ребёнком, раз уж мать не только бросила, но и поглумилась напоследок с именем своего ребёнка.

– Мда-а-а, – только и мог протяжно выговорить я.

– Директриса школы-интерната, куда я попала через несколько лет, пожалела меня и исправила мне имя в документах. Ей казалось, что она сделала доброе дело, и так я стала Агафья, что означает «добрая». Когда я была совсем маленькой, то искренне радовалась, что у меня больше нет обидного некрасивого имени. А потом подросла, и однажды до меня дошла вся чудовищность сочетания красивой дворянской фамилии и простонародного имени. Уж лучше бы я оставалась Некраса, это хотя бы являлось вызовом всему миру. Тогда я отказалась быть Агафьей и потребовала сменить мне имя ещё раз. Имя ещё раз мне так и не сменили, но мой бойкот постепенно всё же сделал своё дело, и больше по имени меня никто не звал. А ты, Виктор, сам как считаешь: Некраса мне больше идёт, чем Агафья?

Я ненадолго задумался с ответом, а потом честно признал, что оба имени девушке совершенно не подходят. «Агафья Бестужева» вызывало лишь глупый смех нелепым сочетанием, да и определение «добрая» девушке не подходило по характеру – бойкому, хищному, жёсткому. А «Некраса» совсем не подходило – неизвестно, как Бестия выглядела в самом раннем детстве, но сейчас невысокая фигуристая девушка с пышными ярко-рыжими волосами была одной из самых заметных и красивых на Полигоне. Бестия замолчала, похоже, польщённая таким ответом. В темноте не было ничего видно, но я почему-то решил, что моя собеседница даже чуть покраснела.

– Я ответила на твой достаточно деликатный для меня вопрос. Теперь настала моя очередь задавать свой вопрос тебе, – потребовала девушка.

Я согласился со справедливостью требования Бестии.

– Тогда слушай мой вопрос. Что ты будешь делать, если я вдруг начну тебя целовать? – весело поинтересовалась девушка. – Тут тесно, отстраниться ты не сможешь, уйти из укрытия тоже. Ударить слабую хрупкую девушку свободной рукой?

– Нет, не ударю... – успел произнести я.

Дальше говорить я уже не мог. Да и не хотел. Рыжая Бестия мне очень давно нравилась, и сейчас я лишь перестал искусственно сдерживать свои чувства, которые убивал в себе все эти месяцы после смерти Галины. Мы долго страстно целовались, а потом я почувствовал, как ловкие пальчики пробежались по моей груди, расстёгивая пуговицы на куртке. Сама Бестия каким-то совершенно непостижимым образом оказалась уже и вовсе без одежды.

Рации синхронно заработали в самый неподходящий момент. «Фурия» просила «Беглеца» ответить и сообщить ситуацию.

– Лиза как всегда не вовремя... – пробурчала Бестия и попросила: – Не отвечай. Потом скажешь, что рацию во время бега обронил в лесу и лишь утром сумел подобрать.

– Да я при всём желании и не смогу ответить. Моя рация где-то там, далеко в ногах под ворохом одежды. Я в этой узкой норе не дотянусь до неё.

– Моя рация тоже где-то примерно там же, не достать... Ух ты, значит, насчёт «до утра» ты не возражаешь? Давай будем считать это компенсацией за то, что ты меня едва не покалечил. А также моим подарком тебе на завтрашний день рождения.

– Уже на сегодняшний. Мои наручные часы недавно пропикали полночь, – поправил я девушку. – Хотя понятия не имею, откуда ты об этом знаешь, Бестия. Я ведь никогда и никому об этом не говорил.

– Значит, считай меня тогда доброй феей, которая знает всё о тебе и твоих желаниях, – рассмеялась в темноте Бестия, прижимаясь к крепкому мужскому телу.

Но обе рации не умолкали, Лиза с интервалом в минуту просила Виктора ответить ей. В голосе девушки всё сильнее слышались растерянность, испуг, боль. Игнорировать эти сообщения я не мог. Нужно было успокоить Лизу, чтобы она не сошла с ума от переживаний.

– Да, плачет, словно брошенный котёнок, – согласилась Бестия, извернувшись-таки и взяла рацию.

– Фурия, это Бестия. Беглец жив и укрылся в районе точки полтора-запад. Ответить не может, он обронил рацию вот время боя.

– Поняла тебя, Бестия. Как только небо очистится, вышлю машину.

– Это Константа. Небо уже чистое. Высылаю машину, будет в точке полтора-запад через три минуты.

Рации умолкли. Мы и Бестия замерли.

– Вот и делай потом добро людям... – недовольно прошептала мне на ухо девушка. – Ничего не поделаешь, нужно срочно одеваться.

* * *

Машина примчалась минут через пять, когда мы с Бестией уже ходили по лесу среди воронок и мёртвых тел. Приехал большой трофейный «Лэнд Крузер», который мы захватили после переговоров с Кимрами. За рулём предсказуемо оказался Сергей Воронов, а вот состав пассажиров удивил – приехала Лиза Святова и капитан Колованов. Впервые на моей памяти Лиза покинула территорию Полигона. Увидев меня живым и невредимым, Лиза выскочила из машины, даже позабыв внутри свои костыли. Заметно хромая, быстрой подпрыгивающей походкой девушка поспешила ко мне и повисла на шее, зарыдав от радости. Стоящий рядом капитан недовольно отвернулся и что-то пробурчал, но девушка не стеснялась демонстрировать свою радость.

Колованов включил фонарь и осмотрелся по сторонам, луч света то и дело выхватывал обгорелые тела и обрывки одежды.

– А я-то переживал, что до Полигона никто из врагов не дошёл. Даже думал, что это была учебная тревога или шутка неудачная – заставить ночью шесть десятков обитателей два часа просидеть в укрытиях с оружием, боясь нос высунуть на улицу из-за треугольных кораблей над головой...

– Зато тут совсем не было скучно, – заверила капитана Бестия. – Виктор повёл всю эту толпу за собой через лес. Как его при этом не подстрелили – не понимаю. Еле-еле успели укрыться я и он.

– Ты где мордашку-то поцарапала, рыжая? – весело спросил капитан.

– Наткнулась в темноте на Виктора, когда он в мою сторону летел, не разбирая дороги. Чуть автоматом мне зубы не выбил... – максимально честно ответила девчонка.

Колованов походил с фонарём по лесу, рассматривая обгорелые трупы. Стали постепенно подходить девушки из группы Бестии. Не теряя времени, они стали прочёсывать лес и собирать разбросанное оружие. Помощь им в этом деле оказывали подъехавшие на втором «Лэнд Крузере» девушки из группы Кристины, которые собирались сменить ночных дежурных.

– А вот это, думаю, и был господин Череп, – подозвал издалика меня одноногий капитан.

Я пошёл к лежащему возле кустов труп с оторванными нижними конечностями. Ещё издали в свете фонаря заметил множество стреляных гильз и пустую трубу РПГ-27. Подойдя ближе, заметил, что военный даже после смерти сжимал в руках автомат. На погоне полевой форме мертвеца имелись три большие звезды.

– Видишь, парень, не простым солдатом этот боец был, а самым настоящим полковником. Вроде я даже слышал про полковника Виктора Черепа из воинской части в посёлке Кимры. Не думаю, что у них там полковники в три ряда стоят.

Я присел рядом с убитым и вытащил из-под ворота одежды надетую на шею мертвеца цепочку с серебряным медальоном в виде черепа в военном берете. На обратной стороне медальона была выбита надпись: «Черепу от сослуживцев». Да, убитый действительно оказался комендантом восточного побережья Волги.

– Автомат у него хороший, АК-107 с подствольником. Редкая вещь, наши войска почти и не закупали такие, «сотая» серия автоматов только на экспорт шла. Виктор, бери себе. Гораздо кучнее стреляет, чем твой АК-74, а патроны те же самые. Кстати, и шлем у полковника тоже неплохой, «Маска-3-2», если не ошибаюсь.

В этот момент неподалёку послышался испуганный вскрик, а затем ругань и шум борьбы. Схватив автомат Черепа, я бросился на звук. Бестия оседлала какое-то лежащее на земле и пытающееся вырваться тело в армейской форме и изо всех сил лупила по нему кулаками. Сперва я подумал, что Бестия сцепилась с Фурией, так как любая другая девушка Полигона не стала бы связываться с рыжей. Тут же в мозгу промелькнула мысль, что причиной яростной ссоры могло служить лишь то, что Лиза каким-то образом прознала о происходившем в подземном убежище. Но подбежав, с удивлением и облегчением я обнаружил, что Бестия избивает незнакомого юношу, почти ребёнка.

– Вот, задержала врага. Прятался под корягой, случайно заметила в темноте отблеск глаз от фонарика.

Я похвалил рыжую воительницу и направил луч фонаря на незнакомца. Темноволосый парень лет четырнадцати лежал на земле, от страха боясь пошевелиться. На нём была армейская форма, а на лице сделанные тёмным кремом маскировочные полосы, как у Шварценеггера в фильме «Коммандо».

Похоже, мы обнаружили выжившего при налёте космических охотников. Подошли одноногий капитан и Лиза Святова.

– Едва ли он знает что-то ценное. Зачем нам лишняя обуза? Предлагаю его прямо тут казнить, – сурово сказала Лиза, незаметно подмигивая остальным.

Мальчишка заскулил от страха и ещё сильнее сжался. Капитан зловеще улыбнулся и наклонился над пленником, зыряка единственным глазом:

– Вот что, малец. Ты останешься жить, только если быстро и правильно ответишь на мои вопросы. Готов отвечать?

На мой взгляд, одноногий Сильвер переигрывал, но мальчишка поверил. Испуганный пленник говорил складно, подробно, не упуская никаких деталей. Звали его Максимом и пришёл мальчишка вместе с отрядом Черепа со стороны посёлка Кимры. В отряде полковника находилось примерно сорок – сорок пять человек. Цель ночного задания командир объяснил так: «Наказать зарвавшихся наглецов и отомстить за убитых друзей». Из слов паренька выходило, что Череп врал про отсутствие потерь при артобстреле – в Кимрах имелись и убитые, и раненые. Также Максим рассказал про тяжёлые последствия войны с Дубной. В результате полуторамесячных боёв с соседями в городе осталось очень мало мужчин, способных носить оружие, имелся острый дефицит патронов к стрелковому оружию, практически не осталось медикаментов. Именно поэтому в ополчение стали призывать женщин и подростков, до этого трудившихся на работах по постройке десятикилометрового укрепленного вала на западном берегу Волги.

Рассказал парень и о себе. Максим потерял родителей в первые дни вторжения и попал в отряд подневольных рабочих – целыми сутками вместе с другими гражданскими под охраной солдат трудился сперва на погрузке ящиков с припасами на склады, потом на сборе картошки в полях, потом строил заградительные сооружения. Работа на укреплениях оказалась изнурительно тяжёлой, не все выдерживали, нередкими были попытки побегов. Беглецов отлавливали, в назидание остальным ломали руки и ноги, после чего оставляли умирать в чистом поле под палящим солнцем. От боли, жары и жажды несчастные постепенно сходили с ума, если только полёт треугольного корабля не обрывал их мучения раньше.

А два месяца назад Максима призвали в вооружённое ополчение посёлка Кимры. Сперва мальчишка попал в охрану и сам должен был следить за работающими на стройке несчастными. А потом, оценив способности юркого быстрого паренька, его перевели в разведку – для начала юный разведчик с отрядом дипломатов отправился в пеший поход за пятьдесят километров к посёлку Горицы договариваться о сотрудничестве, а заодно и распространять власть военного совета на деревушки по дороге. Потом были и другие походы – на первые переговоры по разделу сфер влияния с Тверью, на заключение перемирия с Дубной, затем большая разведка на северо-западе.

Максим хорошо ориентировался по карте и неплохо представлял ситуацию на западном берегу Волги. Подконтрольная Кимрам территория простиралась на север почти на сорок километров, где упиралась в зону, подконтрольную военному союзу двух городов Калязин-Кашин. С этими городами у «кимринских» был мир и договор о ненападении. На северо-западе серьёзных соседей не имелось, и граница быстро отодвигалась – всё новые и новые населённые пункты принимали власть военного совета Кимры. Месяц назад неофициально граница влияния проходила по шоссе Тверь-Бежецк, но в последнее время отодвинулась ещё дальше.

Несколько хуже дела обстояли на западе – в Твери закончилась эпоха безвластия, и большой город быстро набирал силу. Военный совет посёлка Кимры старался не ссориться с настолько крупным соседом и строго соблюдал все условия ранее заключённых договоров. Однако имелось опасение, что условия нарушит сама Тверь, желая расширить своё влияние.

Но самой проблемной ситуация оставалась на юго-западе у Дубны – этот город, находящийся в месте крутого поворота Волги, «кимринским» удалось надёжно блокировать с севера – десятикилометровый участок фронта от Волги до Волги был превращён в неприступную преграду. Тут имелись и ряды колючей проволоки, и минные поля, и противотанковые рвы, и бетонные доты. Прорвать такую оборону защитники Дубны не смогли, как ни пытались. Однако установить полную блокаду города тоже не получилось – в Дубне продолжал функционировать автомобильный мост через Волгу, устоявший, несмотря на все артиллерийские обстрелы. Исправно работали также паромные переправы, соединяющие западный берег города с восточным, с которого защитникам Дубны поступало продовольствие, боеприпасы и пополнение.

Защитники Дубны прекрасно осознавали значимость для их города получения снабжения с восточного берега. И потому сконцентрировали на восточном побережье значительные силы, позволившие даже атаковать столицу противника по восточному берегу. Атака оказалась стремительной и кровавой. Объединённой армии Дубны и союзного им Конаково удалось, несмотря на ожесточённое сопротивление «кимринских», практически полностью захватить восточный берег Волги и даже выйти к окраинам восточной части Кимры, прежде чем стороны подписали перемирие. Именно эти ожесточенные бои и наблюдали обитатели Полигона.

С тех пор восточная часть собственного города рассматривалась «кимринскими» как уязвимая, а восточный берег – как опасная потенциально чужая территория. Через реку на запад давно эвакуировали население, а также всё более-менее ценное. Сам мост через Волгу давным-давно заминировали, чтобы обрушить его в случае опасности.

Рассказ пленного многое объяснил мне – и пассивность «кимринских» на восточном берегу, и сожженные деревни с этой стороны Волги. Но даже с учётом относительно слабой подготовки большинства рекрутов, силы противника впечатляли – под ружьё в Кимрах поставили около четырёхсот человек, и ещё около тысячи находились в гражданском резерве. В наличии имелось четыре БТР, много армейских грузовиков, не менее двух десятков единиц артиллерии и миномётов. Единственное что утешало меня – почти вся эта мощь находилась на западном берегу Волги, где сейчас продолжалась активная экспансия и захват ничейных территорий.

– Как ты оказался на восточном берегу? – задал вопрос Сильвер.

Максим объяснил, что несколько дней назад после возвращения из очередного оказавшегося успешным похода, в числе других хорошо зарекомендовавших себя разведчиков, его отправили на восточный берег Волги в штаб полковника Черепы. Сразу по прибытию полковник поручил им изучить состояние заброшенного военного полигона, на котором кто-то поселился. Черепы интересовала численность обитателей, наличие у них тяжёлого вооружения, а также общее состояние Полигона и наличие на складах оружия и боеприпасов. Максим за последние четыре дня уже пять раз ходил к Полигону – сперва в компании других разведчиков, а последние два раза ему доверяли вести разведку самостоятельно. Паренёк трижды перелезал через оба забора, зарисовывал схемы построек и наблюдал за происходящим. Свои наблюдения,

которые он сообщил Черепу, мальчишка вкратце пересказал так:

– Живёт около сорока-пятидесяти человек. Ангары стоят пустыми, но боеприпасы у обитателей имеются в большом количестве, так как ежедневно проводятся учебные стрельбы, на которых стрелки совершенно не жалеют патронов. В армии только девушки, которые постоянно тренируются на стадионе и стрельбище под присмотром одноногого моряка в тельняшке. Мужики в это время ремонтируют старые танки.

Всё стало понятным – и достаточная осведомлённость противника о состоянии дел на Полигоне, и пренебрежительное отношение к силам соседей. Про себя же я усмехнулся – решение перегрузить сотни тяжёлых ящиков с оружием и боеприпасами из ненадёжных наземных ангаров в пустующие огромные помещения на третьем уровне подземного бункера вызвало в своё время целый шквал недовольства у многих, особенно у Сильвера. Однако это решение оказалось правильным – сейчас противник не имел никакого представления об огромном арсенале Полигона.

Оставались последние два вопроса, и я задал их лично:

– Расскажи о том, кто управляет Кимрами, а также о том, как осуществляется радиоперехват, после чего можешь быть свободен.

Мальчишка явно обрадовался и успокоился. Он ответил, что посёлком управляет военный совет, в составе которого состояло три полковника. Полковник Святослав Грузный отвечал за юго-западное направление – западный берег Волги и южный фронт. Полковник Семён Белых отвечал за дипломатию и северо-западное направление. Погибший Виктор Череп отвечал за восточное побережье и радиоперехват. Обеспечением города занимался бывший помощник мэра Елена Владимировна Карась. Она формально не состояла в военном совете, однако без одобрения этой женщины ни одна военная операция не начиналась – именно она выделяла людей и ресурсы.

По поводу радиоперехвата Максим знал очень мало. Он лишь смог сказать, что где-то в восточной части города имелось здание городской радиостанции. Именно там работали военные – координировали работу своих групп и записывали все посторонние сообщения. Где именно находилось это здание, мальчишка не знал. А может и знал, но не хотел говорить – всё-таки пойманный

разведчик во время допроса постоянно демонстрировал приверженность своей стороне конфликта. Я кивнул Сильверу, тот обратился к мальчишке:

– Можешь быть свободен. Возвращайся к своим, передай им вот этот жетон Черепа.

– Даже не предложите мне работать на вас? – удивился и усмехнулся паренёк. – Меня обычно все пытаются завербовать на переговорах. Думают, что если я маленький, то меня можно купить.

Капитан жёстко опустил на землю зазнавшегося мальчишку:

– Ты нам неинтересен. Как разведчик ты оказался плох, если тебя обнаружили. Как боец ты оказался слишком слаб, раз тебя смогла победить маленькая девчонка.

Парень надулся от обиды. Показалось, что ещё немного, и он разревётся:

– Я с девчонками не дерусь. А эта рыжая накинулась на меня, как бестия!

Все вокруг невольно рассмеялись, что ещё больше задело парня.

– Она и есть Бестия, – пояснил я. – Спросишь у своих радистов, они должны знать её. Заодно подтвердишь, что через два дня истекает срок нашего ультиматума. Мы предлагали Кимрам союз, но в ответ на нас вероломно напали. Теперь мы претендуем на весь восточный берег Волги. Мы нашли других союзников, и у нас достаточно сил для осуществления наших планов. После занятия восточного берега можно будет говорить об условиях мира. И ещё передай, если ещё хоть одна пушка с вашей стороны выстрелит по Полигону, я не пожалею снарядов для 152-миллиметровых гаубиц «Акация», чтобы сровнять Кимры с землёй.

Полигон. День рождения

Будильник пропиликал восемь утра. Вообще-то, вставал я обычно в шесть, но сегодня сделал себе некоторую поблажку. Во-первых, ночка выдалась

непростой, и на Полигон после отражения атаки и сбора трофеев наш отряд вернулся уже глубоко за полночь. Во-вторых, сегодня был мой день рождения. Последнее обстоятельство, как считал я ещё совсем недавно, никому из обитателей Полигона известно не было, даже самой близкой подруге Лизе Святовой. Тем более странным оказалось то, что Бестия вчера упомянула о моём дне рождения.

Жаль, что вчера я так и не расспросил рыжую девчонку про источник её поразительной осведомлённости. Хотя, нужно признаться, ночью совсем не до того было. Сейчас утром случившееся между нами в укрытии казалось странным и даже невозможным. Бестия ни разу, в отличие от некоторых других своих подруг, до этой ночи не намекала мне о возможности близости. Тем удивительнее казалось сейчас вчерашнее поведение рыжей красавицы.

Может, оно и к лучшему, что ничего вчера у нас не вышло. Я совершенно не был уверен, что эта тайна смогла бы сохраниться. Полигон – очень маленький замкнутый мир, где все находятся друг у друга на виду. Каждый неосторожный взгляд или жест, каждое произнесённое слово становятся известны всем. Я отогнал подальше мысли о рыжей девушке и принялся одеваться. Дел предстояло очень много.

Хлопоты начались с самого утра – сперва с раннего утра на Полигон пришла делегация из четырёх обитателей деревни Мякишево, расположенной в пяти километрах восточнее. Со всеми ними я уже был лично знаком – месяц назад с девушками проводил в том районе разведку и обнаружил множество выживших обитателей соседней деревни. Встретили нас тогда настороженно, приняв за очередных бандитов, которые действительно периодически терроризировали деревенских. Недоразумение быстро удалось разрешить, но о чём-либо конкретном договориться не получилось.

Сейчас делегация просила разрешения поселиться на территории Полигона, либо в пустующих дачах, а ещё лучше в соседних посёлках Воргаш или Сляднево. По словам деревенских, в последнее время совсем житья не стало от набегов бандитов с востока. Разные банды приходили, бывало, по два-три раза за один день. И если раньше это были небольшие группы разбойников, которых обычно удавалось отпугнуть, то в последнее время появились крупные хорошо вооруженные банды численностью до тридцати человек. Справиться с такими группировками жители не могли, а терпеть разорение и побои никакого терпения уже не хватало. По словам переговорщиков, переселиться желали

сразу все жители деревни, таковых насчитывалось двадцать шесть человек.

Новость была хорошей, хотя и весьма хлопотной – предстояло теперь организовать вывоз вещей переселенцев и обеспечить охрану грузовикам при переезде. К тому же единственная дорога шла в объезд через север, и именно она оказалась перекопана вырытым только вчера защитным рвом. Но прежде чем посылать своих людей зарывать ров, предстояло обсудить с новыми поселенцами условия проживания. Охрана, которую фактически просили деревенские на новом месте, в современном опасном мире не бывала бесплатной.

Потом пришлось принимать другую делегацию – это уже проживающие в Воргаше обитатели не захотели принимать к себе новых соседей. Назревал серьёзный конфликт, и требовалось личное вмешательство руководителя Полигона. К счастью, недовольство людей удалось загасить ещё в зародыше, и обе стороны сумели договориться.

Затем пришёл Зариф и сообщил, что без замены водопроводных труб надеяться на горячую воду в холодный период года не стоит. Труб на Полигоне не оказалось, в соседних деревнях тоже, а зима между тем приближалась. Решение вопроса с трубами становилось одной из самых приоритетных задач, решить которую требовалось в самом ближайшем будущем. Потом меня поймал Сильвер и объявил, что он откажется тренировать обитателей Полигона, если они и дальше будут в таком количестве прогуливать занятия. Ругань Сильвера имела под собой основания – Константин Иванович с двумя десятками людей ушёл на западную дорогу строить укрепления, «Рассвет» в полном составе оказался на дежурстве, группы «Кровавая Мэри» и «Кристи» отправились на грузовиках в Мякишево. Я стоически выслушал все жалобы одноногого капитана и пообещал впредь перед назначением заданий учитывать время тренировок, чтобы занятия больше не срывались. Затем ремонтники сообщили, что срок восстановления БМП-2 опять откладывается, так как поставленная только вчера на технику пушка оказалась тоже неисправной, хотя днём раньше казалась нормальной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/atamanov_mihail/zadacha-vyzhit-poligon

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)